

**FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO
V OLOMOUCI**

KATEDRA SLAVISTIKY

**ČASOPIS VOLJA ROSSII A JEHO VÝZNAM PRO
RUSKOU EMIGRACI**

**THE JOURNAL "VOLYA ROSSII" AND ITS
SIGNIFICANCE FOR RUSSIAN EMIGRATION**

Magisterská diplomová práce

Vypracovala: Bc. Daria Krjukova

Vedoucí práce: Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

2010

Prohlašuji, že jsem práci vypracovala samostatně a uvedla všechny použité
prameny.

V Olomouci,

.....

podpis

Děkuji Mgr. Jitce Komendové, Ph.D. za konzultace, rady a připomínky, které mi během psaní magisterské diplomové práce poskytla.

.....

podpis

Оглавление

Введение.....	8
Характеристика использованных источников	8
Первичные источники исследования	8
Вторичные источники исследования	9
1 Первый этап – газета	11
1.1 Специфика пражской журналистики	11
1.1.1 Целевая аудитория.....	12
1.1.2 Ценность издания	14
1.2 Предпосылки возникновения.....	14
1.2.1 Редакторский состав	15
1.2.2 Первый номер газеты	16
1.2.3 Формальные особенности.....	16
1.3 Общие темы в газете	18
1.3.1 Политические темы	18
1.3.2 Советские темы	20
1.3.3 Первые литературно-критические рецензии.....	22
1.3.4 Последний выпуск	24
2 В новом образе – журнал.....	25
2.1.1 Название журнала – простор для размышлений.....	25
2.2 Общая характеристика журнала	25
2.2.1 Общее в содержании	26
2.3 Общественно-политический отдел.....	28
2.3.1 Политическое обозрение.....	28
2.3.2 Преподнесение советских событий	34
2.3.3 Чехословацкое обозрение	36
2.3.4 Обзоры эмигрантской жизни.....	37
3 Литературно-критический отдел	41
3.1 Марк Львович Слоним.....	42
3.1.1 В качестве политического обозревателя	44
3.1.2 Особенный взгляд на литературу эмиграции.....	46
3.1.3 Советская литература глазами современника.....	49
3.1.4 Остальная литературная критика	51
4 Литературно-художественный отдел.....	56
4.1.1 Иностранные авторы	56
4.1.2 Советские авторы.....	57
4.1.3 Писатели в эмиграции	60
4.2 Марина Цветаева.....	63
4.2.1 Проза Цветаевой	67
4.3 Поддержка молодых литераторов	69
Заключение	73
Resumé.....	75
Список литературы	83
Приложения	86

Введение

Настоящая работа посвящена журналу "Воля России" (далее ВР), занимавшему особую нишу в эмигрантском обществе Чехословакии. Нами была прослежена достаточная заинтересованность в исследовании эмигрантского общества, как в чешской, так и в русской научной среде в контексте современности. Так как о русской Праге написано множество достойной литературы, нас скорее интересовало именно периодическое издание ВР как достоверный источник, воссоздающий эмигрантскую действительность. Нашей целью было попытаться целно осмыслить журнал "Воля России" на всех этапах его издательства и определить его значение для эмигрантского общества. Для достижения данной цели перед нами была поставлена задача проанализировать отдельные публицистические и литературно-критические статьи, непосредственно создающие общий образ журнала.

Характеристика использованных источников

Первичные источники исследования

Так как главным материалом исследования нашей работы являлся сам журнал "Воля России", первоначальной задачей был его поиск в Чешской республике. Учитывая то, что журнал издавался в Праге, это и было единственным местонахождением всех его выпусков, доступных в Славянской библиотеке и Национальной библиотеке в Праге. В связи с разделением "Воли России" на два этапа существования – в виде газеты (1920-1921 гг.) и в виде журнала (1922-1932 гг.), отличалось и его местонахождение в рамках Национальной библиотеки. Газета "Воля России" с её комплексными выпусками за 1920-1921 год находилась непосредственно в Славянской библиотеке, в то время как полное собрание журнального вида располагался в депозитарии Национальной библиотеки. Необходимо сказать, что часть выпусков за 1922-1923 год находилась также в Научной библиотеке г. Оломоуц.

На сегодняшний день выпуски "Воли России" представляют собой собрание томов номеров, упорядоченных по годам их выхода, что существенно облегчает

работу с ними. Всего за своё двенадцатилетнее существование насчитывается более 20 томов с выпусками.

Вторичные источники исследования

Следующими источниками, с которыми нам приходилось работать были всевозможные научные труды, каким-либо образом касающиеся нашей темы. Для общего описания ситуации, возникшей в Чехословакии в первой половине XX века, использовались новые труды, посвященные русской эмиграции в Праге¹, а также большое количество научных работ, тем или иным образом касающихся темы русской эмиграции в рамках первой волны², при этом косвенно затрагивающих издание "Воля России". С упоминанием о журнале мы также встречались в воспоминаниях некоторых литераторов или публицистов, печатавшихся в журнале (М. Цветаева, А. Ремизов, Г. Газданов). Далее в текстах, посвящённых литературно-критической деятельности зарубежья.³

Что касается публикаций непосредственно о журнале "Воля России", в чешском контексте это тематикой занималась М. Задражилова, рассматривающая литературно-критическую рубрику журнала.⁴ Однако целостного осмысления, включающего в себя описания как газетного, так и журнального облика ВР, его формальной и содержательной стороны, анализа характерных для журнала статей в каких-либо публикациях нами не было найдено.

При первоначальной работе с исходными источниками, отдельные статьи были разделены по трём тематическим направлениям – политические, эмигрантские и литературные. К анализу отбирались статьи основных редакторов или сотрудников для понятия общей специфики журнала и его целей. При анализе текстов мы старались найти те характерные черты, которые были свойственны журналу, пытались проследить закономерности, но также и изменения.

¹ См. новое издание Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 2008. Vacek, J., Babka, L.: Hlasy vyhnaných. Periodický tisk emigrace ze sovětského Ruska 1918-1945, 2009

² Белошевская, Л.: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1919-1939, 1999

³ Коростелев, О.А., Мельников, Н.Г.: Критика русского зарубежья, 2002

⁴ Zdražilová, M.: Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací. In: Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919-1939)

По своей структуре работа разделена на четыре тематические части. Первая часть вводит читателя в среду, в которой возникло издание, анализирует основную читательскую аудиторию и предпосылки возникновения издания. Кроме этого, первая часть полностью посвящена газетному виду ВР: анализируется её вид и содержание, основная тематика, причины закрытия.

Во второй части мы переходим к описанию журнального облика ВР. Данная часть всецело посвящена общественно-политическому отделу журнала: рассматриваются тексты, посвящённые освещению российских, иностранных и эмигрантских событий. Вместе с тем затрагиваются личности редакторов и их вклад в тематику журнала.

Третья часть посвящена литературно-критическому отделу журнала во главе с её редактором М. Слонимом и его особенным взглядом на основные проблемы, как в эмиграции, так и в России. Четвёртая часть рассматривает литературно-художественный облик журнала, представляет основных авторов, чьи произведения встречались на страницах журнала, а также освещает деятельность редакции по отношению к молодому поколению писателей.

Завершает работу список используемой литературы и часть приложений, прослеживающих изменения журнала в течение всего своего существования.

1 Первый этап – газета

1.1 Специфика пражской журналистики

Во время своего 12-летнего существования под названием "Воля России" изначально понималась довольно значимая для общественности ежедневная газета, издававшаяся с сентября 1920 по октябрь 1921 года, которая в последующие 7 месяцев выходила еженедельно. После этого ВР трансформировалась в культурно-политический журнал, выходявший сначала два раза в месяц, а затем и вовсе один раз в месяц вплоть до 1932 года. Однако с 1927 года журнал постепенно перемещает свою редакцию в Париж, оставаясь формально некоторое время значиться в Праге. Таким образом, существование ВР можно разделить на два этапа – в виде газеты, с присущими для этого типа издания чертами и, собственно, в виде культурно-политического журнала.

Целостное рассмотрение журнала затруднительно вне среды его существования. Так как периодика возникает в определённом обществе и служит непосредственно для её членов, то изучение этой среды принесёт определённую информацию и о самом издании. Из доступных статистических источников⁵ можно почерпнуть достаточно информации для представления ситуации в Чехословакии 1920-30 годов. В частности, можно проследить, что пик издательства периодики приходился на 1920-27 гг., когда выходило около 80 журналов разной тематической направленности, и был непосредственно связан с периодом расцвета "русской Праги". С 1928 года прослеживается резкое сокращение издательства, связанное с переселением большинства эмигрантов в Париж. Данные факты ещё раз подтверждают истину о сосредоточении в Праге большого количества русской интеллигенции с различными политическими мировоззрениями.⁶ И, кроме того, свидетельствуют о том, что за достаточно короткий период быстро развилась и разрослась общественная деятельность, объединённая общей национальной идеей.

В связи со спецификой первой волны эмиграции, феномена под названием "Русская акция" и разнообразии социальных слоев, оказавшихся за пределами своей

⁵ Постников, С.П.: Русские в Праге, 1928, с. 204

⁶ Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с. 46

страны, просматривается особенности периодических изданий. Во-первых, явное преобладание журнального типа изданий над газетными.⁷ Во-вторых, их узкая тематическая направленность на тот или иной круг читателей. Иллюстрацией может послужить статистический факт о существовании 12 казачьих, 9 студенческих, 10 научных журналов и издательство только в Праге 13 политических журналов.⁸ В-третьих, особенностью первой волны эмиграции была её политическая многоликость: во время революции из России хлынули потоки белогвардейцев, социалистов-демократов, кадетов, эсеров, которые в дальнейшем внесли свой вклад в эмигрантскую многопартийность зарубежья. Об этом свидетельствует существование печатных органов всех партий – монархических изданий (например, парижское "Возрождение"), кадетских (берлинский "Руль"), эсерских (берлинские "Дни", пражский "Социалист-Революционер"). Однако если говорить о тематических предпочтениях целого русского зарубежья, в некоторых источниках указывается, что более всего популярны были литературные (25% от общего числа издаваемой периодики) и общественно-политические журналы (18%), наименьшей популярностью пользовались сугубо партийные, религиозные и научные издания.⁹

1.1.1 Целевая аудитория

С простетивием длительного времени и небольшим количеством источников нельзя с определённостью утверждать о количестве эмигрантов, и более того предполагать количество читателей ВР. Исходя из литературы, в 1922 году на территории Чехословакии находилось около 6000 беженцев, количество которых стремительно увеличивалось¹⁰. В самой ВР приводилась информация, что в 1925 году в Чехословакии обратилось за помощью в русские организации 18 000 человек.¹¹ Однако не вся эта масса могла быть потенциальными читателями. Как отмечалось в самой газете о размере эмиграции, за рубежом оказались: *"мобилизованные белыми генералами, т. е солдатские массы, интернировавшиеся красноармейцы, военнопленные мировой войны, деятели антибольшевистских*

⁷ Жирков, Г. В.: Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков, 2003
<http://evartist.narod.ru/text5/20.htm>

⁸ Постников, С.: Русская Прага, 1928, с.204

⁹ Жирков, Г.В.: Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков, 2003
<http://evartist.narod.ru/text5/20.htm>

¹⁰ Сладек З., Белошевская Л.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1918-1939, с. 19

¹¹ Лебедев, В.: Жгучий вопрос эмиграции, ВР 1926/5, с. 132

партий и обыватели, бежавшие от холода, голода, ужасов чека и контрразведки".¹² О читательском круге также упоминалось и позже в журнале, относительно всей эмигрантской прессы, однако, это применительно и к ВР. К основным читателям относились:¹³

- Эмигрантская масса
- Русскоязычное население "лимитрофов"¹⁴
- Советские организации за границей
- Иностранцы, владеющие русским языком
- Иностранные научные и иные организации

В этой же статье возможно найти и довольно важную составляющую читательского интереса – тираж. Отмечается, что во время выхода ВР в виде газеты он доходил до 15 000 экземпляров.¹⁵ Чтобы составить общую картину можно отметить, что например берлинская газета "Руль" выходила тиражом 20 000 экземпляров, а тираж парижских "Последних новостей" составлял более 30 000 экземпляров.¹⁶

В связи с главенствующей политической тематикой, особенно в первые годы издания, журнал должен был быть интересен осевшей в Праге интеллигенции, прежде всего, многочисленным "лицам интеллигентных профессий", составляющим по данным бюро труда Земгора в 1925 году 36, 5%, а также немалочисленной группе рабочих, как сельскохозяйственных, так промышленных и ремесленных (21,5% и 42,5%).¹⁷ Однако, социал-революционная направленность журнала, которая всё-таки явно выражалась и в определённой степени сужала аудиторию. Если обобщить, то политическая направленность ВР определила основной читательский круг, вместе с тем литературные вставки старались увлечь более широкую публику.

¹² выпуск ВР за 23.01.1922

¹³ Лебедев, В.: Эмиграция и Россия, ВР 1925/12, с.88

¹⁴ Латвия, Литва, Польша, Финляндия, Эстония

¹⁵ Лебедев, В.: Эмиграция и Россия, ВР 1925/12, с. 90

¹⁶ Жирков, Г.В.: Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков, 2003, <http://evartist.narod.ru/text5/20.htm>

¹⁷ В защиту русского труда за границей. Меморандум международному конгрессу о миграциях, ВР 1926/5, с.133

1.1.2 Ценность издания

Целью журнала, по мнению самих редакторов, являлось продолжение *"одного из направлений русской общественной мысли"* за рубежом¹⁸, то есть продолжение деятельности революционного народничества. Редакция ВР видела своё предназначение не в однобокой критике большевизма, а в попытке правильно оценить все происходящие в России процессы – от политических до культурных, именно отсюда известный призыв *"лицом к России"*.

Таким образом, можно с уверенностью отметить, что как газета, так и журнал ВР определённо занимал своё особое место среди эмигрантской прессы. Об этом свидетельствует не только большой тираж и распространение издания и за пределами издательства, но и то, что он проникал в советскую Россию. Это следует из полемик с советскими газетами и монархистами, о которых мы узнаем из многочисленных статей, опровергающих критику других журналов. Критика же поступала со всех политических сторон – в первую очередь от большевистских изданий¹⁹ и даже от социалистической газеты *"Дни"* якобы за *"отступление от демократии"* и оправдании диктатуры.²⁰ И, конечно же, в более поздних периодах известности придавали громкие авангардные имена, печатающиеся в журнале.

1.2 Предпосылки возникновения

В случае с нами рассматриваемым изданием, предпосылкой его возникновения была, во-первых, сложившаяся политическая ситуация в России, спровоцировавшая массовый выезд, в частности, большинства эсеров. По словам историков, эсеры начали покидать страну вместе с уходом чехословацкого корпуса из России, а также после начала массовых арестов эсеров. Первые представители эсеров появились в Праге уже в 1919 году.²¹ Однако непосредственно на массовый отъезд повлияло их содействие в восстании в Кронштадте, в разжигании которого были обвинены именно эсеры, белогвардейцы и иностранные силы.²² Однако

¹⁸ Сталинский, Е.: Новое эсерство и комнародничество, ВР 1927/7, с. 111

¹⁹ Там же с. 107

²⁰ Сухомлин, В.: Политические заметки, ВР 1929/4, с. 89-87

²¹ Sládek, Z.: České prostředí a ruská emigrace, In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике, 1999, с. 10

²² Кремлёвский бред, ВР 1921/147

именно к изданию газеты, а позже и журнала, привела политическая ситуация, сложившаяся в Чехословакии. Чехи, поддерживающие эсеров ещё в ходе революции в России, поддержали их представителей и после их массовой эмиграции, более того, именно Министерство иностранных дел Чехословакии оказывало финансовое содействие ВР. Чехословацкое правительство считало должным не только поддержать и принять русских эмигрантов, но и "воспитать" их в демократическом духе *"для налаживания связей с будущей "постбольшевистской" Россией"*.²³ Однако, как правительство, так и большинство русских эмигрантов не рассчитывало на долгое пребывание в Чехословакии, было уверено в своём скором возвращении и, помимо прочего, считало большевистское правление недолговременным. В этом прослеживалась и ещё одна особенность эмигрантского общества – а именно заострение внимания только на событиях, происходящих в России, нежелание ассимилироваться в новых для эмигрантов условиях. Особенностью эмигрантов первой волны было нежелание воспринимать не только чешский язык, но и чешскую культуру.²⁴

Таким образом, можно полагать, что сосредоточение большого количества эсеров, их уверенность в возможности изменить ситуацию в России и, безусловно, содействие и заинтересованность чешского правительства в виде финансирования издания²⁵ привело к истокам создания ВР в качестве ежедневной газеты под руководством издателя Е. Лазарева и первого редакторского состава: В. М. Зензинова, О. С. Минора и В. И. Лебедева, который и в дальнейшем оставался редактором журнала.

1.2.1 Редакторский состав

Все редакторы были довольно значимыми деятелями партии эсеров, поэтому их биографии имеют много общего. О. С. Минор, в связи со своим участием в кружке народолюбцев и революционным настроением был несколько раз арестован и провел много лет в ссылках в Сибири, откуда освободился только во время Февральской революции и сразу подключился к участию в Учредительском

²³ Савицкий, И.: Специфика Праги как духовного центра эмиграции, In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике, 1999, с. 52

²⁴ Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 2008, с.76

²⁵ Савицкий, И.: Специфика Праги как духовного центра эмиграции, In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике, 1999, с. 52

собрании. В эмиграции он был не только соредактором ВР, но и возглавлял организацию Политический Красный крест, содействующей политзаключённым в России.²⁶ В. М. Зензинов был одним из тех, кто подготавливал террористические действия в столице, поэтому также познал все горести ссылки, будучи три раза ссыльным. Во время своей ссылки в Якутию, Зензинов проявил себя с другой стороны, а именно как этнограф и историк, написав книгу об укладе жизни жителей Восточной Сибири. Во время революции входил в состав Временного уфимского правительства и также в 1919 году эмигрировал, посвятив себя публицистике.²⁷

1.2.2 Первый номер газеты

12 сентября 1920 года пражская общественность впервые имела возможность познакомиться с первым номером газеты "Воля России", вышедшего под редакцией В.М. Зензинова, В. И. Лебедева, О. С. Минора. Помимо этого, в первом выпуске сообщалось, что газета содержит 8 страниц и выходит каждый день кроме понедельника.

Уже из вводного приветствия читателям отчётливо видна резкая позиция редакции по отношению к самодержавной власти, а также однозначная оценка революции 1917 года как освободительного события: *"Освободившись от векового политического рабства мощным революционным усилием..."*²⁸ Первая статья под названием "Наш путь" определяет и подтверждает чёткую приверженность редакторов к эсерской идеологии, требующей народовластия, экспроприации земель, созыва Учредительного собрания для определения дальнейшего курса России после Февральской революции. Редакторы искренне убеждены, что *"только через демократию ведёт дорога к социализму"*, поэтому именно в молодой демократичной Чехословакии возможно почерпнуть то нужное для возрождения России, в которую авторы надеются вернуться и сделать всё возможное для её блага.²⁹

1.2.3 Формальные особенности

"Воля России" примечательна не только своим историческим приносом, представляющим, безусловно, большую ценность для сегодняшнего читателя. Примечательна и несколько необычная для современного восприятия

²⁶ Чернов, В.: В партии социалист-революционеров: воспоминания о восьми лидерах, 200, с. 349-370

²⁷ Браткова, Т.: Русское устье http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/4/brat.html

²⁸ ВР 1920/1, с. 1

²⁹ От ред.: Наш путь, ВР 1920/1, с. 1

дореволюционная орфография, которая была присуща всем периодическим изданиям, печатающимся за пределами большевистской России. Послереволюционная реформа орфографии была враждебно встречена эмигрантами по причине её введения непосредственно большевиками, несмотря на то, что проект реформы подготавливался лингвистами ещё до наступления большевистской власти. По той же причине и в "Воле России" сохранялась дореволюционная орфография. В самой же России с 15 октября 1918 года все официальные издания перешли на новое правописание, то есть без использования немого твердого знака на конце слов, замены букв Ъ ("ять"), Ѳ ("фита"), І ("ижица") на Е, Ф, И и др.³⁰

Таким образом, перед нами текст, ценный не только лексикой, представляющей начало XX века, но и сохранением дореволюционной орфографии. Однако необходимо заметить, что дореволюционная орфография присуща для периода выхода издания в виде газеты, а в журнальном виде встречается только до 1924 года. Неожиданно для читателей, майский номер за 1924 год выходит уже в современной орфографии.³¹ Как правильно заметил А. Пешехонов в своей статье, использование дореволюционной орфографии не имело своего будущего, так как вернувшись в Россию, приверженцы старой орфографии не смогли бы повлиять на людей, принявших новые правила, скорее это бы привело к расколу между советской и не советской печатью.³²

Известно, что писатели старшего поколения оставались строгими ревнителями старой орфографии намного дольше всех остальных, хотя и им пришлось смириться с этим новшеством. Если ещё в 1925 году И. Бунин мог отказать в прочтении студенческого журнала по причине новой орфографии, то через год уже относился к этому более лояльно.³³

С точки зрения технической характеристики газета также отличалась своим большим форматом и качеством бумаги. В первом году издания очевиден упор на содержании, передачи актуальной информации, практически без каких-либо иллюстраций, что, безусловно, немисливо для сегодняшнего типа периодики.

³⁰ Виноцкий, С.: Введение в дореформную орфографию. <http://slovník.narod.ru/old/pravila/01.html>

³¹ ВР 1924/8-9

³² Пешехонов, А.: Родина и эмиграция, ВР 1925/11

³³ Слоним, М.: Литературные отклики, ВР 1926/8-9

Формально газета была разделена на следующие обязательные рубрики: Советская Россия, Европа и Россия, Вокруг Интернационала, Рабочее движение, Печать и жизнь, Фельетон, Библиография, Россия за границей, Жизнь военнопленных и интернированных. Последняя рубрика представляла собой разворот газеты, посвящённый тематике военнопленных и их судьбам. Сегодня это можно приравнять к приложению газеты.

Несмотря на 80-летнюю давность газеты, рубрика с объявлениями была обязательна в каждом выпуске и несла функцию сегодняшней рекламы. В отличие от современных периодических изданий, реклама в ВР была расположена сжато на последней странице газеты и представляла собой сводку объявлений, как от частных лиц, так и приглашения на разнообразные культурные события, происходящие в русском обществе.

1.3 Общие темы в газете

1.3.1 Политические темы

Основные темы газеты непосредственно касаются политической обстановки в советской России. Для информирования о важнейших военных событиях отводится рубрика "Военные сообщения", размещённая прямо по центру титульного листа, которая разделена на части Польское и Советское. Начиная с первых номеров газеты, подробно освещаются события советско-польской войны, разворачивающейся на территории Польши, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы. В современном восприятии историки сходятся во мнении, что конфликт возник из-за раздела территорий, когда целью Польши было расширяться до пределов бывшей Речи Посполитой за счет белорусских и украинских земель, над которыми также стремилась установить контроль советская сторона.³⁴

Однако интерпретация происходящего в газете несколько иная. По мнению автора большинства военных обзоров полковника Махина, который старался взвесить обе позиции противников, Россия имела всё же больше предпосылок на успех, как в военно-техническом плане, так и в плане командования. А также именно

³⁴ Мельтюхов, М. И.: Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг, <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/02.html>

Россия, по убеждению автора, занимала оборонительную позицию и более того " ... нарушение суверенитета польского народа не могут составлять цель борьбы России с Польшей, ибо не вытекают из её интересов".³⁵ Однако поражение русской стороны автор связывает, прежде всего, с неумелым правлением большевиков и обвиняет их в неуместной попытке установления большевистского режима в Польше.

Выпуск газеты пришелся на второй этап Гражданской войны, когда боевые действия происходили непосредственно по всей территории страны. При ближайшем рассмотрении этой рубрики примечателен подход к освещению данных событий. Если о советско-польской войне пишется в нейтральной форме и со стороны, используя выражения *русские войска, успехи поляков*³⁶, то, что касается сообщений о Гражданской войне, в них отражается приверженность к советской армии и высокая степень экспрессивности, примером служат выражения "*наши войска снова заняли ...*", "*нами разбиты неприятельские отряды*".³⁷

Подобно этому, в связи с политическими воззрениями эсеров очень распространена антимонархическая тематика, в виде изобличающих статей, фельетонов. Часты пренебрежительные упоминания Врангеля, Деникина, Бурцева. Таким образом, можно отметить, что большинство политических сообщений преподносится авторами со стороны социал-революционных воззрений, идеологии социализма и подчеркивания ошибок большевиков, а также откровенной ненависти к монархистам.

Достаточно места уделяется и антибольшевистским статьям. Подробно описываются ошибки, допущенные партией, её жестокие методы, приведшие к губельному состоянию России. На титульной странице первого же выпуска посвящена обширная статья теме захвата большевиками власти и народе, оказавшимся "*между двух огней*" – большевиков и монархистов, представляющих, по мнению редакции один вид зла.³⁸ Часто используется информация об отношениях

³⁵ Махин: Общие условия русско-польской войны, ВР 1920/1

³⁶ От ред.: Военные сообщения, ВР 1920/4, с. 1

³⁷ От ред.: Военные сообщения. Советское, ВР 1920/23, с. 1

³⁸ От ред.: Между двух огней, ВР 1920/1, с.1

иностранных политиков к советской власти³⁹, также подробно излагаются гонения, которые приходилось испытывать эсерам в России.⁴⁰ Большую полемику вызвал арест В. Чернова и его семьи за выступление на митинге перед английской рабочей делегацией.⁴¹ Таким образом, с первых же страниц ВР заявляет о своих позициях и ясно дистанцируется от монархических и большевистских взглядов, одновременно отталкивая от себя и эмигрантов, разделяющих иные политические мировоззрения.

1.3.2 Советские темы

Несмотря на большое количество политически настроенных текстов, некоторые статьи отличаются именно своей непредвзятостью и созерцательностью происходящего. К таким статьям относится, например, цикл фельетонов "Очерки советской России". Ценность их заключается в описании состояния советской жизни, а именно, по словам редакции, преподнесении *"голой неприкрашенной правды"*.⁴² Статья написана корреспондентом Н. Высоцкой, прожившей год (с 1919-1920) в нескольких российских городах и ставшей свидетельницей происходящего в обществе во время Гражданской войны. Первые впечатления корреспондента вырисовывают печальную картину жизни того периода – улицы пустынные, повсюду вооружённые военные, подпольные продажи, простые жители, опасющиеся облав. При всей этой гнетущей обстановке, безработицы почти нет – работают все, так как это лишь единственный способ получения пропитания. Данные статьи повествуют о советской среде, которая, казалось бы, не предназначена для людей: в ней нет воды, отопления, канализации, равно как и пропитания, но люди, несмотря на болезни, антисанитарию и военных комиссаров, с помощью нечеловеческих усилий каким-то образом выживают.

Кроме этого, для освещения советских событий выбираются подборки коротких сообщений из основных советских и зарубежных газет, таких как "Петроградские известия", "Красная газета". Также ценны статистические

³⁹ От ред.: Британские рабочие и Россия, ВР1920/1

⁴⁰ От ред.: Репрессии против меньшевиков, ВР 1920/2

⁴¹ Чернов, В.: Письма В. М. Чернова к Советской власти, ВР1920/3

⁴² Высоцкая, Н.: Очерки советской России, ВР 1920/1

сообщения об экономическом положении, смертности, кризисе в продовольствии, именно в такой критический для России момент.

Довольно серьёзной и обширной темой, появляющейся с конца 1920 года, является тема надвигающегося, а впоследствии разразившегося голода в России. Первое упоминание о надвигающемся повсеместном голоде относится к 30 ноября 1920 года в статье русского экономиста К. Кочаровского.⁴³ Статья, написанная специально для зарубежных стран, открывает глаза на российскую действительность и по своей сути просит о помощи зарубежные государства, так как, по мнению автора, большевистская власть не способна предотвратить приближающееся бедствие. Таким образом, выходом из ситуации может быть только прекращение вывоза продовольствия из России и предоставление займа. Предположения К. Кочаровского не заставили себя долго ждать и уже июльские номера газеты выходят с подзаголовком "Голод в России", в этих выпусках подробно описывается сложившаяся ситуация, территория бедствия, воззвания о помощи и возможные пути избавления от него.⁴⁴

Событие, непосредственно связанное как с гражданской войной, так и с накалённой социальной обстановкой было Кронштадтское восстание. Оно стало центральным событием в течение марта 1921. О первых беспорядках в Москве и Петрограде редакции газеты удалось узнать от латвийского корреспондента из телеграммы своему правительству.⁴⁵ Далее освещаются все важнейшие события, происходившие за последующий месяц. Информация поступала как из заграничных источников, так и из советских, причём последняя была долгое время искажена и замалчивала происходящее, называя сообщения в заграничной прессе "провокационными".⁴⁶ Более того, непосредственно во время восстания, эта же иностранная пресса, а также эсеры и белогвардейцы были обвинены большевиками в организации восстания, за что подверглись гонениям. Самими же редакторами "Воли России" Кронштадтское восстание было воспринято как спасительная революция от большевиков, которая, несомненно, приведёт к их свержению: *"итак, что советская*

⁴³ Кочаровский, К.: Что грозит России и что можно сделать? ВР 1920/66

⁴⁴ Выпуски ВР 1921/260-297

⁴⁵ От ред.: К событиям в Петрограде и Москве, ВР 1921/141

⁴⁶ От ред.: Сплошная ложь, ВР 1921/143

*власть падёт, в этом никто не сомневается...*⁴⁷ Именно это событие широко освещалось с целью информировать всю Европу и собрать все усилия для помощи восставшим. Более того, известно, что 15 марта 1921 года в Праге проводился митинг в поддержку восставших.⁴⁸ Однако события сложились иначе, и уже в середине апреля первые строки газеты гласили: *"Замолчали кронштадтские пушки. Московским палачам удалось задушить матросскую вольницу, залив кровью стены крепости, ещё так недавно бывшей колыбелью и оплотом их власти"*.⁴⁹

Подведя итог, можно отметить, что сообщения данных рубрик разделяются на сугубо информативные, примером служат телеграммы, получаемые из России. Далее на партийные сообщения, отстаивающие программу социалистов-революционеров и сообщения публицистические (фельетоны Н. Рахманинова, статьи В. Зензинова)

1.3.3 Первые литературно-критические рецензии

Нетрудно заметить, что в первый месяц своего выхода газета носила ярко выраженный политический характер, и кроме более свободных фельетонов на политические темы была сугубо партийной. Однако, начиная с октября 1920 года, наблюдаются постепенные изменения в сторону большего раскрепощения и обращения внимания к культуре. Первая литературно-критическая статья М. Слонима вышла в свет 19 сентября и была посвящена творчеству французского автора Жоржа Дюамеля.⁵⁰ По-видимому, выбор рецензируемого автора не был случайным, поскольку М. Слоним посредством автора, пишущего о любви, страданиях на войне хотел обратить взор читателей к вечным ценностям, о которых во время гражданской войны и сложных условиях, возможно, люди забыли. Несколько позже эта же статья, но в более развёрнутом виде вышла также в журнале "Современные записки"⁵¹ и "Революционной России".⁵²

В номере от 3 октября начинают появляться и лирические нотки, впервые в номере печатается рецензия Вл. Лебедева на сборник стихов до этого ещё не

⁴⁷ От ред.: Перед лицом близких возможностей, ВР 1921/148, с. 1

⁴⁸ Фролова, Е.: Непопулярная эмиграция. <http://magazines.russ.ru/neva/2006/10/fr12.html>

⁴⁹ От ред.: Неизбежное, ВР 1921/176 с. 1

⁵⁰ Слоним, М.: Поэт человечности, ВР 1920/7

⁵¹ Современные записки. 1921. Кн. III. Культура и жизнь, с. 223–230.

<http://minuvshee.ru/page.php?id=81>

⁵² Революционная Россия, 1921/7, <http://socialist.memo.ru/books/html/ukazatel.html>

переведённых на русский "Силезские песни" П. Безруча.⁵³ Рецензия скорее служит для читателя, не знакомого с творчеством чешских литераторов, так как представляет жизнь поэта, описывает ситуацию возникновения сборника, поясняет глубокий смысл стихов и их значение для общества.

Более занимательной является статья "Неоконченные разговоры", написанная в форме своеобразной полемики о творчестве В. Маяковского.⁵⁴ Статья представляет два полюса мнений: о Маяковском, как о создателе "новой поэзии", переворачивающим всё до этого существовавшее и как о человеке, внутренне пустом, облечённом лишь в шокирующую форму и потакающем новой власти, из-за которой его приравнивают к придворному поэту. Самым интересным моментом является итог, подведённый автором статьи, заявляющий о его тесной связи с большевистской властью и их общей недолговечности: "... *Маяковский исчезнет, а Рафаэль останется в обстрелянных музеях, и уцелевший Пушкин вновь будет говорить нам о "песнях райских" неумирающей, вечной поэзии*".⁵⁵ Нужно заметить, что критик М. Слоним на страницах "Воли России" ещё не раз обращался к теме творчества В. Маяковского и всегда оставался приверженцем своего мнения.

Напротив этой довольно острой критике, поэтом, неразрывно связанным с "Волей России" несомненно, был К. Бальмонт. Его первое стихотворение "Право" было напечатано в октябрьском номере газеты.⁵⁶ Творчество К. Бальмонта часто сопровождало газетные выпуски "Воли России" и приносило поэтичности целому изданию. Также часто на страницах газеты встречается имя писателя Льва Толстого, его философия "непротивления злу насилием" становится наиболее актуальной после его смерти, во время гражданской войны 1918-1920 годов. Редакторы подчеркивают долговечность ценностей, выдвигаемых им, и с горечью наблюдают за гонениями его приверженцев толстовцев.⁵⁷

Необходимо заметить, что с появлением литературно-критических текстов и поэтических произведений газета приобретает более занимательный вид, развлекается её сугубо политическая направленность.

⁵³ Лебедев, В.: Силезские песни, ВР 1920/19

⁵⁴ ВР 1920/25

⁵⁵ Слоним, М.: Неоконченные разговоры, ВР1920/25, с. 4

⁵⁶ ВР 1920/40

⁵⁷ Вл.Т.: Лев Толстой, 1920/58

1.3.4 Последний выпуск

9 октября 1921 года вышел последний выпуск газеты в качестве ежедневной, далее с января по август она издавалась еженедельно, после трансформировалась в журнал. Это было распространённым явлением за рубежом – периодические издания быстро возникали и также быстро исчезали из поля зрения читателей, из-за нехватки средств или маленькой аудитории. Финансовые трудности сопровождали почти все издания по целый период их существования за границей, тем более при издательстве ежедневных газет с чёткой партийной направленностью, которая только сужала аудиторию, поэтому ВР не смогла избежать этой участи. Секретарь ВР В. Сосинский в своих воспоминаниях, выражаясь простым языком, говорит о закрытии следующее: *"Воля России" сначала была газетой, потом, когда денег и читателей стало меньше, превратилась в еженедельник и, наконец в ежемесячник*".⁵⁸

Таким образом, ежедневная газета окончила свое существование, завершив этим свой первый этап. В завершающем выпуске сообщалось о перенесении газеты ближе к российским границам, а точнее попытка её издания в Риге.⁵⁹ Однако этой затее не было суждено воплотиться, и данная газета положила основы для возникновения литературно-политического журнала с одноимённым названием, но изменённым редакционным составом.⁶⁰

⁵⁸ Сосинский, В.: Франко-Славянская типография, http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/sosin.html

⁵⁹ Савицкий, И.: Специфика Праги как духовного центра эмиграции. In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике, Прага, 1999, с. 53

⁶⁰ ВР 1921/327

2 В новом образе – журнал

2.1.1 Название журнала – простор для размышлений

Для лучшего понимания целей журнала, для раскрытия его задумки нужно первоначально обратиться к его названию. Если же рассматривать название журнала чисто формально, то слово "воля" имеет довольно широкую смысловую нагрузку – это и *"пожелание, требование"* или же *"свободное состояние"*.⁶¹ Таким образом, для современного читателя впечатление от названия остаётся двоякое. "Воля" ли это в значении освобождения России или же в том значении, что таковым было желание и судьба России. Если же учесть тот факт, что главные редакторы ВР в своём прошлом состояли в организации "Народная воля", давшей начало самому эсерству и учитывая их частое обращение в статьях к народничеству, можно предположить, что именно в этих истоках и лежит само название.

Ответ на этот вопрос читателям предоставлен не сразу, а только на втором году существования журнала. Именно о своеобразной воле России, её судьбе в лирической форме размышляет К. Бальмонт. Вся статья перекликается всевозможными значениями "воли", автор будто играет со словами, заставляя весь текст звучать и переливаться значениями. Примером тому служит первая же фраза: *"Воля России была рассеяться, разметаться на воле"*. На протяжении всей статьи автор сокрушается над судьбой страны, богатой пространством, но одновременно "злополучной" в истории. Он задаётся вопросом, сама ли страна виновна в своих бедах или же это её предназначение. В его понимании воля – это свобода, о которой не боятся говорить настоящие поэты и писатели. И главное, обращаясь к читателю, автор взывает ко всем, кто остался на родине или оказался за её пределами выбирать не "своевольное рабство", а "волю-свободу".⁶²

2.2 Общая характеристика журнала

Продолжение традиции освещения российских событий не заставило себя долго ждать и уже 15 сентября 1922 года новая, более литературная и объёмная "Воля России" была представлена на суд читателей. Выходил журнал два раза в месяц, вплоть до середины 1924 года, когда начали появляться сначала двойные номера, а с 1925 года он уже официально стал ежемесячным журналом, под

⁶¹ Ожегов, С. Н.: Толковый словарь русского языка, Москва, 2003, с. 96

⁶² Бальмонт, К.: Воля России, ВР 1924/1 с.1

редакцией трёх активно пишущих авторов: В. И. Лебедева, М. Л. Слонима и В. В. Сухомлина. Позже с середины 1924 года⁶³ появился четвёртый редактор, знакомый ещё со времён газеты Е. А. Сталинский. Как и было свойственно литературным журналам тех времён, выпуски ВР были достаточно объёмными, иногда доходили и до 200 страниц за двойной номер.

Что касается местонахождения, редакция и типография журнала располагалась в Праге лишь до 1927 года. О переезде редакции ВР упоминает в своих мемуарах секретарь журнала В. Сосинский, говоря о том, что в один из дней, В. Лебедев сообщил своим пражским коллегам о переезде ВР, который, впрочем, уже ожидался ранее. О причинах переезда Сосинский не упоминает, хотя обрывает интересную деталь: *"Хотя и редакция, и типография будут находиться в Париже, но на обложке (светло-синей) журнала по-прежнему будет стоять "Прага". Таково желание Масарика. Уважим старика"*⁶⁴. По всей видимости, именно по причине финансирования издания чешским правительством официально журнал числился пражским. Хотя редакция журнала и не выражалась по этому поводу, изменения можно было проследить по рубрике рекламы, в которой начали в 1927 году появляться объявления с французскими адресами.

2.2.1 Общее в содержании

Что касается содержания, то каждый новый номер предваряло художественное произведение в виде небольших повестей или же отрывков из более обширных произведений. Для более позднего периода характерна подборка как прозаических, так и поэтических текстов нескольких авторов⁶⁵. Далее основное внимание было уделено политике, статьям на общие или более узкие темы редакторов, публицистов, профессоров. Кроме того, предоставлялся простор и для авторов, разделяющих противоположное мнение по каким-либо политическим вопросам, тем самым открывая возможность для дискуссий на страницах журнала⁶⁶.

⁶³ Появляется впервые в номере 1924/7-8

⁶⁴ Сосинский, В.: Франко-Славянская типография, http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/sosin.html

⁶⁵ приблизительно на третьем году издания в номер входят около 3-4 текстов разных авторов

⁶⁶ Напр., Гуревич: Проблемы власти в новой России, ВР 1922/3

Продолжали существовать рубрики, оставшиеся со времён газетного существования – повествующие о советской и иностранной экономической жизни с точными подсчётами, статистиками и обзорами. Обязательная для газеты рубрика с подборкой статей из основных советских и иностранных газет, в журнале также нашла своё место в рубрике "Русская жизнь", к тому же приобрела библиографический характер, следящий за основными книжными новинками.

Тематический обзор журнала:

- Международная политика: развитие мирового социализма, особенности зарубежных партий, международная оценка происходящего в России, полемика с оппозиционными партиями
- Проблематика российского послереволюционного развития: политическая, общественная, культурная жизнь
- Литературные произведения: литературно-критические статьи, воспоминания об авторах, представление творчества, рецензии
- Обзор происходящего в Чехословакии и эмигрантском обществе

В рекламе ВР на собственное издание указывается следующее: *"В каждом номере Воли России: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западноевропейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография⁶⁷".* Однако в первые годы своего существования, ВР представляла собой скорее сборник статей на общественно-политические темы, обогащённый литературными текстами известных литераторов.

⁶⁷ ВР 1928/1

2.3 Общественно-политический отдел

2.3.1 Политическое обозрение

При целостном рассмотрении журнала невозможно не заметить, что даже с приобретением нового вида ВР, политическая тема продолжает занимать значительное место в журнале вплоть до последних его выпусков, в которых всё же на первый план выходят непосредственно литературные тексты. Из трёх редакторов журнала, двое В. В. Сухомлин и В. И. Лебедев, а позже и Е. А. Сталинский печатали сугубо политические заметки.

В отличие от газеты, где довольно часто упоминались основные пункты партии социалистов-революционеров, журнал приобретал более дискуссионный вид, политическая тематика стала более разнообразной, авторам предоставлялась возможность более обширного изложения своих мыслей. Так как политические статьи являются результатом специфических точек зрения авторов, нам кажется, необходимо коснуться и краткой биографии их авторов.

Владимир Иванович Лебедев известен своей военно-политической активностью в России, а также богатой заграничной деятельностью. Будучи членом Военной организации партии эсеров, ещё во время революции 1905 года, Лебедев до конца своих дней оставался приверженцем эсерских идей. Он был добровольцем во французской армии, в 1917 году с помощью военного министра А. Ф. Керенского стал заведовать морским министерством. Позже принимал активное участие в деятельности Комуча. Он стал причастен к ВР во время своей второй эмиграции в 1921 году, когда стал одним из его редакторов. Далее его судьба была связана, прежде всего, с Парижем, а позже с США. Занимательно, что его деятельность не распространялась только на Россию, В. Лебедев также был помощником болгарского премьер-министра Стамболийского, после убийства которого переехал в Чехословакию⁶⁸. В связи с этим, в своей публицистической деятельности им было уделено много внимания Болгарии, о которой он писал часто и красноречиво. Статьи Лебедева с болгарской тематикой удивительно похожи – все они характерны своим живописным описанием, несмотря даже на политическую окрашенность, например при описании ситуации в Болгарии, а конкретнее её земледельческого правительства, автор вместо вступления упоминает обо всех красотах страны:

⁶⁸ Сосинский, В.: Франко-Славянская типография, http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/sosin.html

*"Центральные Балканы... И перед нами, уходя в небо, торжественно и спокойно вздымалась синяя громада Шипки..."*⁶⁹

Личность В. И. Лебедева также связана с тайной золотого запаса царской семьи, вывезенного из Казани Народной армией Комуча, в которой он участвовал по военной части. Несмотря на то, что нет однозначных мнений по поводу этого события, известен всё же факт, что о пересылке золота сообщал по телеграфу именно В. Лебедев, уверяя, что золото уже отправлено и *"Россия может быть спокойна за целостность её богатства"*.⁷⁰ До сих пор более распространённым осталось мнение о том, что запас в течение своего передвижения из Казани до Омска и обратно был в большей части раскраден. Занятна точка зрения одного из секретарей ВР Владимира Сосинского, который в своих воспоминаниях "Франко-Славянская типография" посвящает немалое место личности В. Лебедева, в частности замечая, что он *"в своё время передал в руки чехов царское золото"*.⁷¹ Ещё более провокативно звучит "разоблачение" статей Лебедева под названием "В России", издававшихся с октября 1929 года. По словам Сосинского, эти статьи о пребывании Лебедева в России были чистым вымыслом, так как их автор место советской России *"...все три месяца провёл в финляндских лесах в пограничной полосе СССР"*. Именно этим Сосинский объясняет прерывание публикаций эти статей и последовавшей волне осуждения их автора.⁷² Несомненно, это событие вынудило Лебедева пойти на объяснения на страницах журнала, а именно в статье под заголовком "Нравы". Объяснение было написано в адрес С. Маслова, который в сербской и белградской газете выступил с подтверждением фактов о неприбытии Лебедева в России. Лебедев находит причину клеветничества во враждебности С. Маслова к белградскому Земгору, в котором сам состоит и опровергает основные пункты обвинений, называя их подделкой исходного текста.⁷³ По всей видимости, это обвинение можно связать с личной нетерпимостью и идейными разногласиями внутри русской пишущей диаспоры.

⁶⁹ Лебедев, В.: Тырновская революция, ВР 1922/2, с. 5

⁷⁰ Золото революции, <http://gold-in.ru/2009/03/21/zoloto-revoljucii.html>

⁷¹ Сосинский, В.: Франко-Славянская типография. http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/sosin.html

⁷² Там же

⁷³ Лебедев, В.: О человеческой грязи, 1930/5-6, с. 506

Намного более противоречива личность ещё одного редактора ВР В. В. Сухомлина. Подобно Лебедеву, В.В. Сухомлин также был членом партии эсеров, бежал из ссылки в эмиграцию, а во время Февральской революции возвратился в Россию, где был редактором газеты "Дело народа". С 1919 года он находился в эмиграции, сотрудничал со многими печатными изданиями, в частности, с центральным органом эсеров "Революционной Россией". Однако противоречия начались после его дальнейшего переселения в США⁷⁴. Более подробно о Сухомлине упоминает в своих мемуарах писатель, участник белого движения Р. Б. Гуль. Конкретнее он сообщает о случайном разоблачении провокатора эсеров Сухомлина, который в 40-ые годы, после эмиграции в США под псевдонимом В. Белкин сотрудничал с пробольшевистскими изданиями, и даже был вынужден вернуться в Россию, будучи изгнанным как коммунистический агент.⁷⁵ В связи с тем, что данная информация о прокоммунистической деятельности подтверждается в нескольких источниках, есть основание предположить, что она правдива. Однако, судя по основным политическим статьям Сухомлина, можно отметить, что они отличались чёткостью своих идейных позиций, однозначным отношением и не выделялись от массы иных политических заметок.

В ВР публиковались политические заметки Сухомлина, касающиеся, прежде всего, партийных вопросов эсеров, мирового социализма, социалистического движения в России. В связи с вышеизложенным предположением о провокаторской деятельности автора, самой, на наш взгляд, занятой является статья "Победителей не судят?"⁷⁶, описывающая встречу автора с бывшим революционером, признавшим большевиков. Открывается довольно занятная полемика двух социалист-революционеров, один из которых, принял основы большевизма. И хотя он осуждает момент их захвата власти, творящихся бесчинств, всё же приходит к выводу, что большевики *"...делают всё от них зависящее для революционного преобразования страны, выполняют честно свои обязательства"*.⁷⁷ Автор же, предоставляя возможность высказать все основные идеи большевизма, опровергает всё сказанное. В особенности упоминает, что опора большевиков – это усреднённая масса,

⁷⁴ Абросимов, И.: Свод персоналий. <http://www.proza.ru/2009/03/27/637>

⁷⁵ Гуль, Р.: Я унес Россию. Апология русской эмиграции, http://www.pseudology.org/Gul/Part_02_07.htm

⁷⁶ Сухомлин, В.: Победителей не судят? 1925/7-8

⁷⁷ Там же, с. 135

лишённая индивидуальных черт. А также, опровергая высказывание, что наука может развиваться в любых политических условиях, автор высказывается, что *"возведение ленинизма в ранг государственной обязательной религии ставит в тяжелое положение ряд научных дисциплин"*.⁷⁸ Выражая общую точку зрения, и отвечая на позицию признавшего большевизм гостя о том, что победителей не судят, автор откликается следующим: *"Но в том-то и дело, что этой победы они не одержали, что их попытки построить декретами, насилем и гражданской войной подобие коммунистического общества для "подбодрения" мировой революции окончилось крахом, разорением, неслыханным голодом. А теперь с трудом выбиваются из этой ямы при помощи частичного возвращения к капитализму. О "победе" говорить рано и мы "сознательное меньшинство" считаем себя в праве "судить", то-есть относиться критически к их системе и политике, отстаивать свою систему и свою политику"*.⁷⁹ Таким образом, в данной статье сравнивается основная идеология большевиков и социал-революционеров, которые при общей идеи социализма диаметрально не сходятся в методах его продвижения.

Следующий редактор Е. Сталинский помимо политики занимался также публицистикой и критикой. Он также являлся членом партии эсеров и находился до Февральской революции в Париже, после чего печатался в партийных газетах, например "Воле Народа". Он был не только журналистом, но и переводчиком. С 1920 года жил в Праге, где с 1924 года стал соредактором ВР, а также сотрудничал в "Социалист-Революционере". С 1940 года Сталинский эмигрировал в США.⁸⁰

Тематика статей Сталинского отличительна своим широким обзором. Автор рассматривал как основы монархической программы, их непримирение с компромиссами⁸¹, так и корни белого движения и их сущность на основе книги воспоминаний Деникина⁸², рассуждал о внешней и внутренней политике большевиков⁸³ и, конечно же, как настоящий социалист-революционер уделял особое место предназначению крестьянства.⁸⁴ Более примечательной по своей

⁷⁸ Там же, с. 152

⁷⁹ Там же, с. 153

⁸⁰ Абросимов, И.: Свод персоналий. <http://www.proza.ru/2009/03/27/637>

⁸¹ Сталинский, Е.: Догматизм и постепенщина, ВР 1924/12, с. 131

⁸² Сталинский, Е.: Патриотизм и либерализм в белом движении, ВР 1924/8-9

⁸³ Сталинский, Е.: На международном фронте большевизма, ВР 1925/12

⁸⁴ Сталинский, Е.: Крестьянство в судьбах России, 1926/4

резкости является статья "Власть Сталина", о человеке, отстранившем всех возможных партийных конкурентов, запретившим свободу дискуссии и принявшим единоличную власть, поддерживаемую только принуждением и чувством страха, воссоздав при этом *"режим личного абсолютизма"*. Автор предрекает скорый крах этого самоличного диктаторского правления, не способного на долгое существование.⁸⁵

Кроме выражения собственных политических воззрений, в журнале достаточно много политических прогнозов. Например, критическое состояние здоровья Ленина послужило поводом для предположения его преемника. Автор, пишущий из России под псевдонимом В-ий выделяет среди кандидатов Семашко и Бухарина, кроме того предполагая, что новый преемник положит конец правящей диктатуре.⁸⁶ Когда же предположения о смерти Ленина осуществились, стало необходимо подытожить достижения "вождя русской революции".

Помимо прочего и этим занимался главный идеолог социалист-революционеров Виктор Чернов, чьи заметки непременно печатались в журнале. Его судьба была подобной большинству эсеров, оказавшихся за границей: и участие в народовольческом кружке, активная общественная деятельность в котором закончилась ссылкой в Тамбовскую область, участие в Учредительном собрании и возглавление Комуча и эмиграция 1920 года, однако с одним лишь исключением – именно В. Чернов стоял у истоков создания партии и проработке их программы. Будучи в эмиграции в Швейцарии и накопив богатые знания в области западноевропейской и отечественной политической мысли, Чернов сформулировал собственные положения относительно дальнейшего развития общества, которые и вошли в программу партии социалистов-революционеров, созданной в 1902 году. Не менее значительным было его влияние после Февральской революции. Председательство Чернова в Учредительном собрании, начавшее работу 5 января 1918 года, в ту же ночь было распущено большевиками, и от этого момента В. Чернов попал в опалу, как со стороны большевиков, так и со стороны белых. Таким образом, потерпев неудачу в России, Чернов покидает её для организации партийной деятельности за границей. Здесь же он занимался уже только

⁸⁵ Сталинский, Е.: Власть Сталина, ВР 1929/10-11, с. 140

⁸⁶ В-ий: Концы и начала. Ленин, ВР 1922/1

теоретической деятельностью – анализировал революционные события, прорабатывал вопросы внешней и внутренней политики России. Он был также одним из тех, кто в начале 30-х годов распознал угрозу фашистской партии и обращался к объединению антифашистских сил. Однако именно внутривнутриполитическая ситуация, сложившаяся в 1938 году в Чехословакии заставила его покинуть страну, переселиться во Францию, а позже в США.⁸⁷

Из статей, напечатанных в ВР, не составляет труда разглядеть словесный дар идеолога эсеров – точная формулировка, вязкие фразы, глубокий смысл. В разборе личности Ленина автор нисколько не старается преуменьшить значение личности Ленина в своей партии, мастерски используя различные сравнения к качествам характера вождя. Автор видит в нём упорного фехтовальщика, не умеющего предвидеть, а лишь отвечающего на удар, стойкого и негибкого, подобного стальной пружине. Помимо этого, автор называет Ленина *"проводником в жизнь теорий других мыслителей"*, за аграрный вопрос, заимствованный у социалист-революционеров.⁸⁸

Из массы политических текстов можно выявить то основное, чем оперируют их авторы и что волнует их в первую очередь. Первое, это конечно, непринятие большевистской политической системы, в частности, припоминание проработанного только эсерами аграрного вопроса, которым впоследствии воспользовались большевики.⁸⁹ И главное – это общее изменение курса большевистской политики, их измена своим же заповедям, например просьба о предоставлении кредитов у стран, с которыми ещё недавно велась борьба с мировым капитализмом.⁹⁰ И если изначально все политические авторы сходились во мнении недолговременности большевизма, со временем краски только стужались – идеологические распри с большевиками отошли на второй план, выдвинув проблему диктатуры власти на первый.

Таким образом, несмотря на общую эсеровскую платформу, подход авторов к политике достаточно разнообразен, описывает ситуацию с различных сторон в

⁸⁷ Новиков, А., Хузер К.: Виктор Михайлович Чернов и его мемуары. In: В партии социалист-революционеров: воспоминания о восьми лидерах, 2007

⁸⁸ Чернов, В.: Двадцать второе января, ВР 1924/3, с. 31-34

⁸⁹ В-ий.: Ленин. Концы и начала, ВР 1922/1

⁹⁰ Сухомлин, В.: Победителей не судят?, 1925/7-8

России, принимает во внимание опыт зарубежных государств в развитии социализма, напоминает о существовании иных точек зрения и составляет конкретные планы дальнейшего развития ситуации. Вплоть до закрытия журнала, русской политикой занимались два неизменных редактора Сухомлин и Сталинский. В последние годы, в политических текстах редакторов ВР меньшевики (из газеты "Дни") обнаружили даже некое оправдание большевистских действий, что вызвало негодование среди редакторов и волну пояснений, в которых обозначили свою актуальную политику – целью которой является не повсеместное очернение большевистской власти, а попытка правдивого описания всех важнейших процессов, происходящих в России, а более того поиск *"точки опоры для социалистического движения и развития"*.⁹¹

Однако необходимо заметить, что политическое направление с прибывающими годами ослабевает в журнале, оставляя место для литературно-критических обзоров, освещения эмигрантской жизни, придавая журналу более творческий образ.

2.3.2 Преподнесение советских событий

Несмотря на все преобразования, редакторы журнала всё-таки старались не останавливаться на культурно-политической тематике и преподносили также актуальную информацию о происходящем в России, активно и эмоционально описывали обстановку, приводили конкретные примеры. Именно для этих целей служила рубрика "Русская жизнь". Рубрика, призванная к достоверному освещению российского положения была особенно ценна как для эмигрантов, не получавших иной непредвзятой информации из дома, так и для сегодняшнего современного читателя, так как воссоздаёт всеобъемлющую картину советской действительности.

Информация получалась из самых различных источников, хотя доминирующим источником была советская пресса. Поэтому для рубрики характерны ссылки на основные советские издания: "Московские известия", "Московская правда", "Красная газета". Необходимо отметить, что мнение авторов зачастую не совпадало с преподнесением событий в советской прессе, поэтому на

⁹¹ Сталинский, Е.: Как готовиться? По поводу искажения перспективы, ВР 1930/4, с. 388

официальные советские источники обычно ссылались для показания искажения действительности большевиками. Резкость отношения к советским деятелям полно отражена, например в статье о жестокой борьбе власти со взяточничеством: *"Но этого мало, даже сам главный палач, Дзержинский, и тот в интервью "Московских известиях" заявил, что одними репрессиями взяточничества не уничтожить, а надо поднять общее благосостояние служащих"*.⁹²

Помимо этого, например о бедственном положении и голоде в глубинке сообщалось в отчетах, находившихся в России докторов из Американской Администрации помощи.⁹³ С помощью этих отчётов, редакторам удалось описать повсеместный продовольственный кризис, повлекший за собой огромное количество больных и множество беспризорных детей.

Не менее ценен обзор внешних отношений советской России с зарубежными странами. С 1920 года перед Россией стояла задача укрепления внешнеполитических позиций на мировой арене, преодоления внешней изоляции страны и достижения фактического признания зарубежными странами. Именно в период с 1921-1925 Россия усиленно добивалась дипломатического признания, заключала политические и экономические соглашения с внешним миром. Статья обращала внимание на нюансы отношений с той или иной страной, указывала неоднозначности, подчёркивала неудачное положение России во внешних переговорах. Обзор сделан на основе политических событий во внешней политике в сравнении с их освещением в советской прессе. В целом, из статьи становится ясно, что ситуация во внешней политике к октябрю 1922 года не была оптимистичной – явное недоверие Японии, неоднозначная позиция Китая, натянутые отношения с Америкой, враждебные отношения с Англией, заискивание перед французским дипломатом в надежде на будущие соглашения. Ёмко подытоживает ситуацию фраза: *"Суммируя международное положение Советской России, надо придти к печальным итогам"*.⁹⁴

Рубрика "Русская жизнь", выходявшая вплоть до последних лет журнала, не имела постоянного автора, но была постоянна остротой изречённого. Все события оценивались довольно резко – начиная смертью Ленина ("Случилось то, чего

⁹² В-ий: Русская жизнь, ВР 1922/4, с. 88

⁹³ Русская жизнь, ВР 1922/1

⁹⁴ Русская жизнь, ВР 1922/3

ждали"), заканчивая народом, подчиняющимся большевизму ("... вся эта пёстрая братия исправно марширует ныне на маёвках... ")⁹⁵

В конце 1924 года в рубрике начали печататься статьи П. Булатова под общим заголовком "Дела и люди наших дней". В своих статьях автор обращался, прежде всего, к политическому происходящему – личности Троцкого, выступлениям Сталина, отношения большевиков к кулачеству, то есть, занимаясь общими политическими положениями, не предоставляя внимания обыкновенной жизни общества, как это было ранее. Следовательно, возможно предположить, что эти вопросы уже не были насущными и менее интересовали редакторов. В конце 1925 года рубрика преобразилась в "Народную жизнь", рубрику Кочаровского, которая должна была привлечь читателей к дискуссии. С первого выпуска 1926 года рубрика вовсе перестала существовать, оставив место лишь для периодических статей описывающих определённую сторону общественной жизни, например, статьи Архангельского об отстранении церкви от заключения браков в советской России.⁹⁶

2.3.3 Чехословацкое обозрение

Следующей, не менее важной темой, обсуждаемой на страницах журнала, было освещение актуальных чехословацких событий. Это играло ключевую роль в важности журнала, так как была ценна как для самого эмигрантского общества, так и поддерживалась со стороны правительства. Известно, что помимо иного, это было одной из главных причин получения финансовой поддержки от государства. В этом нас убеждает сохранившийся документ 1929 года, а точнее *"Проект распределения пособий русским журналам и отдельным лицам в 1929"*. В нём, кроме назначения журналу высокого годового пособия объясняются и причины распределения конкретной суммы – в его уникальности в публикациях статей о Чехословакии и его политическо-литературной ценности, иллюстрированной появляющимися откликами о "Воле России" в советской прессе.⁹⁷

"Воля России" ещё со своего газетного существования уделяла достойное внимание принявшей её стране, в журнале же эта традиция лишь утвердилась. Обычно для этого отводилась рубрика "Иностранная жизнь". Столь же пристально,

⁹⁵ Русская жизнь ВР 1924/18-19, с. 224

⁹⁶ Архангельский, В.: Семья и брак в Советской России, ВР 1929/5-6

⁹⁷ Сладек З., Белошевская Л.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1918-1939, 1998, с.152

как и за советскими событиями, авторы наблюдали за экономическим положением, внешней политикой страны. Кроме этого, часты заметки чешских политиков – статьи Т. Г. Масарика, например, главы из книги "Мировая революция", посвящённые приезду в Россию.⁹⁸ Весь 1926 год был посвящён выпуску переводов статей Эд. Бенеша на тему славянской политики в переводе Мельниковой-Папоушек.⁹⁹ Более поздний период журнала обращается скорее к чешской и словацкой литературной жизни, под рубрикой "Славянский обзор".

2.3.4 Обзоры эмигрантской жизни

Разумеется, редакторы журнала учитывали и уделяли должное внимание самой эмигрантской диаспоре. Встречающиеся тексты об эмиграции можно разделить на публицистические и личные воспоминания. К ним относятся цикл воспоминаний А. В. Пешехонова "Родина и эмиграция". Между тем, интересны не только статьи, но и биография самого автора, который был политиком, даже министром продовольствия Временного правительства, то есть его политический кругозор был довольно широк и поучителен. Более того, занимателен и его жизненный опыт, так как А. Пешехонов был выслан из России, обвинённый в контрреволюционной деятельности.¹⁰⁰ Автор старается преподнести наиболее правдоподобный обзор жизни за границей в своих статьях, наполненных полной решимостью возвратиться на родину и невозможности принятия жизни в новой среде. Занятно, что он не призывает и даже понимает эмигрировавших за безопасностью людей, сравнивая тогдашнюю Россию с "миром случайностей".¹⁰¹

Статья уникальна непосредственно в контексте данного журнала, так как мнения её автора идут вразрез с журналом. За годы наблюдения за эмиграцией, автор выделил некоторые общие черты и мнения. К ним относятся наблюдение, что основная часть эмигрантов не прижилась с приютившими их странами. Как причину этого явления автор отмечает *"не столько даже в том, что трудно войти в*

⁹⁸ Масарик, Т. Г.: Из моих воспоминаний, ВР 1925/10

⁹⁹ Бенеш, Э.: Проблемы славянской политики, 2-12/1 1926-27

¹⁰⁰ Голостенев, М. Е.: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. Москва, 1993
http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/peshehonov_av.php

¹⁰¹ Пешехонов, А.: Родина и эмиграция, ВР 1925/7-8, с. 107

иностранную жизнь, столько в том, что трудно отрешиться от русской".¹⁰² Подверждая этим общее в то время ожидание диаспоры возвращения. Примечательно описание той части эмиграции, которая осуждает большевиков, более того ненавидит их и всех, кто принял их режим. О таких "непримиримых" людях автор говорит, что для них *"...в советской России, не осталось и не может быть ничего доброго"*.¹⁰³

Наиболее интересны примечания автора о системе эмигрантской прессы, которая поголовно "предвидела" близкий распад большевистской власти в каждом событии, поступавшем из России. К числу таковых относилась и ВР, особенно в годы существования в качестве газеты. Сообщения о России долго представляли собой "беспросветно-мрачный характер", что нельзя не заметить и в самой ВР. Более того, автор подчеркивает попытку редакторов эмигрантских газет вместить как можно больше выдумок, сплетен и клеветы. По словам автора, сообщения, получаемые из России *"...почти все составляются тут же в редакциях или по близости от них, составляются по слухам, рассказам и в лучшем случае по частным письмам, причём полученные таким путем сведения обязательно переделываются, чтобы замаскировать от большевиков их источник"*.¹⁰⁴ Он также упоминает и об одностороннем выборе сообщений из советской прессы или же перепечатывании непроверенной информации среди газет. Таким образом, автор утверждает, что эмигрантская пресса преподносит заведомо недостоверную картину происходящего в России.

Кроме того, автор отмечает основные черты: ошибочное уверенность эмигрантской интеллигенции в их уникальности, незаменимости в России, о том, что весь "цвет интеллигенции" оказался в эмиграции. К этому наблюдению относятся строки: *"Люди и дела в России, несомненно, имеются и, пожалуй, они даже не уступят тем, которые находятся в эмиграции"*.¹⁰⁵

К однозначной миссии эмигрантов, особенно социалистов в продолжении борьбы против большевиков автор не видит смысла, хотя и не является их

¹⁰² там же с. 110

¹⁰³ там же, с. 110

¹⁰⁴ Родина и эмиграция, 1925/9-10, с. 101

¹⁰⁵ там же с. 128

откровенным сторонником. Шаги, предпринимаемые эмиграцией в виде информационной войны и всевозможными сведениями о России, передаваемыми иностранному миру, по словам автора, вредят не столько самим большевикам, но скорее целому российскому народу, оставшемуся зависимым от заграничных займов.

Несомненно, мнение Пешехонова не могло остаться незамеченным, поэтому после выхода целого ряда статей сразу же последовал комментарий редакторов к основным вопросам, затронутым автором. К раскритикованной Пешехоновым эмигрантской печати, редактор В. Лебедев привёл свои аргументы, главным из которых была многоликость прессы, в отличие от односторонности большевиков и возможности самих эмигрантов выбирать подходящую для них прессу. В оппозиционности эмигрантской прессы, её запрете видит редактор все возникающие неточности в описании действительности. Таким образом, перед нами предстала уникальная встреча на страницах журнала двух совершенно противоположных точек зрения насчёт целой эмигрантской массы, её идей, жизни и быта.

К более исторически верным относятся статьи эмигрантского характера об актуальных в то время событиях, как то пятилетие ВР или статья посвящённая пятилетию пражского Земгора, обобщающая историю данной организации, её основные направления, успехи. Кроме того, редакторы отвечают на основную критику Земгора – её руководству эсерами (в частности газетой "Руль") тем, что политическая приверженность этой организации не является определяющей, а наоборот защищает интересы всей эмигрантской массы.¹⁰⁶

Как исторические факты можно рассматривать статистические данные того времени, повествующие о печальном состоянии эмиграции. В частности, припоминается положение, в котором оказались беженцы – лишённые как гражданства, так и возможности вернуться на родину, отягощённые проблемами с трудоустройством в оказавшихся странах, а также становящихся *"...объектом спекуляции отечественных и иностранных авантюристов и дельцов, старающихся*

¹⁰⁶ Аратов, Б.: Пражский Земгор и его оппозиция", ВР 1927/4

*использовать русских трудящихся для экономической и политической борьбы на стороне реакции и капиталистов... "*¹⁰⁷

На последнем году существования в связи с появлением эмигрантов, уже не связанных с Гражданской войной Е. Сталинским вводится термин "третьей эмиграции". В тридцатые годы это были люди, покидающие страну уже по причине внутреннего террора, непрерывного сыска, доноительства.¹⁰⁸

Таким образом, рубрика, занимающаяся эмигрантскими темами, из общественно-политического отдела, пожалуй, самая ценная. Так как передаёт атмосферу той среды, показывает основные проблемы эмиграции устами самих её участников и представляет большой интерес для сегодняшних исследователей. Особенно, что эти статьи были наиболее близкими объективным и представляли на суд читателей разные точки зрения.

¹⁰⁷ В защиту русского труда за границей. Меморандум Международному конгрессу о миграциях, ВР 1926/5, с. 140

¹⁰⁸ Сталинский, Е.: О третьей эмиграции, бонапартизме, сталинизме, коалиции и демократии", ВР 1930/10, с. 863

3 Литературно-критический отдел

"Воля России" не была бы "Волей России" без литературно-критической рубрики. Даже во время своего газетного существования среди всевозможных эсерских обращений, политических и общественных событий находилось небольшое место и для культурного обозрения. Однако на первых этапах становления общего образа журнала преобладала всё же политика. Таким образом, первые выпуски 1922 года представляют собой статьи на политические и общественные темы, разбавленные отрывками из художественных произведений. Затем журнал начинает приобретать свой неизменный, особенный облик – на его страницах появляются литературные произведения, обзоры книг, критические статьи и литературные заметки.

Самой же постоянной рубрикой на протяжении всего существования журнала являлась её библиографическая часть. Неизменно завершая очередной номер, в рубрике "Среди книг и журналов" первоначально рассматривались новинки в советской печати. Позже круг рассматриваемых книг расширился и на новую иностранную и переводную литературу. Кроме этого, каждый номер журнала сопровождали рецензии книг, рецензируемые и молодыми литераторами.

Что же касается развития литературно-критической рубрики, в своей работе, посвящённой именно этой части журнала М. Задражилова выделяет три периода развития рубрики. В первом периоде происходило формирование круга основных публицистов, второй этап отличался вступлением М. Слонима в основной спор с эмигрантским обществом по поводу русской и эмигрантской литературы и последний период – это был период пересмотра своих мнений о зарождающейся новой советской литературе, совместно с переключением внимания на молодое поколение литераторов.¹⁰⁹

¹⁰⁹ Zdražilova, M.: Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací. In: Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919-1939), s. 140

3.1 Марк Львович Слоним

Несомненно, особенность журналу придают статьи М. Л. Слонима – редактора и основного литературоведа ВР. М. Л. Слоним за свои долгие 82 года жизни¹¹⁰ сумел повлиять не только на политические события в России, но и оставить свой след в литературной жизни русской эмиграции Праги и Парижа, и даже на закате своих дней в Америке продолжал заниматься русской литературой. И не только: политика, публицистика, литературная критика и история, педагогика – вот области, которые составляли широкий кругозор Марка Львовича. Перед тем как навсегда покинуть родину М.Л. Слоним не только получил обширные знания в области литературы и философии, которые изучал в Петербурге и Флоренции, но и занимал не последнее место в послереволюционных событиях, сначала как член социалистов-революционеров, позже как депутат Учредительного собрания и секретарь Временного Всероссийского правительства в Уфе, а после его возглавления Колчаком, как и большинство эсеров эмигрировал.¹¹¹

В первые же годы своего основания в Праге, Слоним занялся публицистикой, 1920 годом датируются его первые тексты о литературе и современных авторах. Причём печатался он не только в ВР, но и в сугубо эсерском "Социалист-Революционере", "Современных записках" и даже какое-то время был главным редактором берлинского журнала "Новости Литературы".¹¹² Марк Слоним посвятил 8 лет своей творческой жизни Праге (1920-1928 гг.) Занимался не только публицистической деятельностью, но и общественной – был преподавателем в Русском Народном университете, членом пражского Земгора, Союза русских писателей и журналистов и сотрудником издательства Пламя.¹¹³

Его парижская общественная деятельность была связана, прежде всего, с основанием в 1928 году литературного кружка "Кочевье", на вечерах которых собирались молодые парижские литераторы. В связи же с мировыми событиями и еврейской принадлежностью в 1941 году Марк Львович был вынужден

¹¹⁰ 1894- 1976 гг.

¹¹¹ Gruntová, A.: Osobnost Marka Lvoviče Slonima. In: Bulletin Česká asociace rusistů, N17, 2003, <http://web.quick.cz/rossica/>

¹¹² Zdražilova, M.: Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací. In: Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919-1939), c.140

¹¹³ Gruntová, A.: Osobnost Marka Lvoviče Slonima. In: Bulletin ČAR, N17, 2003, <http://web.quick.cz/rossica/>

эмигрировать в Америку, где он продолжал преподавать, заниматься публицистикой и литературной историей, более того рецензиями произведений русских авторов в английском переводе. Марк Львович направил свою деятельность на освещение русской литературы для иностранцев, уже на английском языке.¹¹⁴ Последним пристанищем Марка Слонима стала Женева, где он посвятил свою деятельность вновь русской аудитории – сотрудничал с радиостанцией Свобода, публиковал статьи в русскоязычных газетах вплоть до своих последних дней.¹¹⁵ Таким образом, перед нами биография человека, который всецело посвятил себя русской литературе, несмотря на то, что с ранних лет оказался вне своей родины.

Произведения, написанные автором, отличаются своим широко охваченным обзором – это и начальные политические темы и литературные попытки и, конечно же, литературная критика и история. Первое его произведение "Русские предтечи большевизма" было написано в первые годы эмиграции и носило сугубо политический характер.¹¹⁶ Напротив тому, сентиментальностью наполнена его книга-воспоминание о Чехословакии "По золотой тропе".¹¹⁷ Становления же автора в качестве литературного критика связано с его основными литературно-критическими трудами, такими как трёхтомная история русской литературы или же "Русская советская литература. Писатели и проблемы".¹¹⁸ Хотя его литературно-критические труды подвергались критике из-за своего острого настроения и преуменьшения роли эмиграции.

Приход в "Волю России" М. Слонима в качестве редактора был довольно значимым событием, так как автор своими статьями оживил и обогатил, как содержание журнала, так же как и создал полемику в эмигрантском обществе и представил русской диаспоре новые, талантливые имена молодых поэтов и прозаиков, оказавшихся в эмиграции в тени литераторов старшего поколения.

В целом, публицистическая деятельность М. Слонима развивалась в нескольких направлениях – это были тексты о эмигрантской литературной жизни, тексты о советской литературе, рецензии и политические тексты.

¹¹⁴ Putna, M. C.: *Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1*, 1993, с.183

¹¹⁵ Gruntová, A.: *Osobnost Marka Lvoviče Slonima*. In: *Bulletin Česká asociace rusistů*, N17, 2003, <http://web.quick.cz/rossica/>

¹¹⁶ Берлин, 1922

¹¹⁷ Париж, 1928

¹¹⁸ Slonim, M.: *Soviet Russian Literature. Writers and Problems. 1917-1977*, New York, 1977

3.1.1 В качестве политического обозревателя

В первых номерах журнала 1922 года, когда самого автора волновали более всего политические темы в связи с недавними революционными событиями, М. Слоним предстает перед нами и в журнале как политический обозреватель, затрагивая самые острые и наиболее болезненные темы. Некоторые критики даже видели в нём более удачного политического публициста, нежели литературного критика.¹¹⁹ И на самом деле, его политические тексты наполнены образностью, например в статье "Евразийцы" послереволюционную Россию автор воспринимает как "новую", преображённую, без оглядки на прошлое, но с туманным будущим. Именно в это время, когда *"всё пришло в движение и в смятение"*¹²⁰ интересно возникшее течение евразийства. Автор статьи пытается понять глубже смысл концепции евразийцев, находит в ней положительные черты – предчувствие революции, её принятие как факта, но также выделяет и слабые стороны, называя евразийцев мистиками, отвергающих какую либо возможность борьбы с большевизмом, когда единственный выход для них – это замкнутое духовное "самосовершенствование". Более того, автор предсказывает нежизнеспособность евразийской схемы, говоря, что *"она войдет одним из многочисленных примеров в историю судорожных исканий мысли наших дней - но она не поможет просветлению этой мысли и не подвинет волю на творческое преображение жизни"*.¹²¹ Это высказывание подтверждает своеобразную черту историка литературы – его любовь к выводам, обобщениям, постоянное стремление понять какой след это оставит в истории.

В статье "Студенчество за рубежом" автор пытается дать исчерпывающий обзор ситуации, в которой оказалась российская молодёжь. Автор подчеркивает важность помощи молодежи и призывает эмигрантское общество к содействию. Метко описано их бедственное положение на Балканах и в Африке, незаинтересованность местных правительств, отсутствие или мизерная финансовая поддержка, вынужденный труд на тяжелейших работах. Конечно, подчёркивается более благоприятная для студентов ситуация в Чехословакии, более того названная *"... рассадником русской академической жизни за границей"*.¹²² Единственное, что

¹¹⁹ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь, 1997, <http://aleho.narod.ru/book/slonim.htm>

¹²⁰ Слоним, М.: Евразийцы, ВР 1922/2, с. 9

¹²¹ Там же, с. 21

¹²² Слоним, М.: Студенчество за рубежом, ВР 1922/7, с. 46

тревожит автора здесь – это монархически настроенная молодёжь, которая идёт на поводу у бывших белых генералов, желающих привлечь и повлиять на студентов и попросту развивающих в них национальную ненависть.

Из статьи становится ясно, что тогдашнее студенчество, несмотря на тяжелейшие условия, находилось ещё и между двумя противоборствующими силами демократически и монархически настроенных объединений, которые всеми возможными способами старались перетянуть их на свою сторону, повлиять на их мировоззрения и при возможности использовать в своих идеологических целях. Сам же автор отмечает преобладание монархистов, поддерживаемых пражской профессурой, но также видит и преобразования и начало отхода от чисто монархической идеологии. Выходом из ситуации, по мнению автора, может быть материальная поддержка студенчества, выведения их из-под монархического гнёта и развитие их в демократическом русле, что, конечно же, объяснимо политической приверженностью автора.

Русское эмигрантское общество в те времена волновало не только происходящее в России насущные проблемы. Довольно распространённой и болезненной темой тогдашнего времени было возникшее в Италии движение фашистов. Эта тема разделила русское эмигрантское общество на тех, кто видел в новом движении угрозу и тех, кто видел в силу своего антидемократического настроения в них новую силу и будущее. Последние даже организовывали собственные партии, воспевающие авторитарное государство, национализм, одним словом, симпатизирующие фашистской идеологии.¹²³

Общим осмыслением фашизма занимался и М. Слоним, в своей статье "Прошлое и настоящее фашизма", написанной во время, когда фашисты уже пришли к власти в Италии.¹²⁴ Автор попытался не просто рассуждать о возможном развитии ситуации, а пойти вглубь истории становления партии, упоминал, что у фашистов изначально не было определённой программы, а скорее общий настрой, в основе которого *"лежал резкий национализм и полная огня активность"*, – черты близкие

¹²³ так называемое послереволюционное движение, Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с. 44-45

¹²⁴ Слоним, М.: Прошлое и настоящее фашизма, ВР 1923/1

более всего молодёжи, которые изначально и составляли основу партии.¹²⁵ И если в 20-е годы ещё никто не воспринимал их серьёзно, то уже в 1922 году фашисты захватили власть полностью в свои руки. В отличие от русских монархистов, которые увидели в фашизме возможность воскресить свои идеалы, М. Слоним не считал, что это принесёт новую мировую революцию и какую-либо пользу обществу, но и не видел ещё в них определённой угрозы обществу.

3.1.2 Особенный взгляд на литературу эмиграции

О том, что в эмигрантском обществе царило политическое разнообразие, запечатлённое существованием множества партийных и иных изданий, нами уже было отмечено. Однако и литературная жизнь эмиграции была столь же многоголосна – об этом свидетельствует существование журналов, различных своими подходами как советской, так и зарубежной литературе. Самым, пожалуй, главным конкурентом ВР среди "толстых" журналов были "Современные записки", издававшиеся в Париже с 1920-1940 гг. Журнал был наиболее схож с ВР своей общественно-политической и литературной тематикой. Однако, в отличие от них, в своей программе редакторы М. Вишняк, А. Гуковский, В. Руднев провозглашали политическую независимость в суждениях и большое внимание уделяли литературному отделу, печатающему только известных и заслуженных авторов. Журнал "Русская мысль" под редакцией П. Струве издавался в 1921-1923 гг. и считался наиболее традиционным журналом, печатающим старшее поколение литераторов. Напротив тому, сторонником эмигрантской молодёжи был парижский журнал "Числа" (1930-1934 гг.), привлекающий к себе внимание своей аполитичностью и предоставляющий молодым литераторам достаточно места для проявления себя. С подобным желанием преподнести всё лучшее в русской и эмигрантской литературе выступал ежегодный журнал "Вёрсты", выпустивший всего 3 номера в Париже.¹²⁶ Нужно отметить, что разногласия между изданиями очевидны – на страницах ВР редакторы часто отвечали на критику со стороны большинства этих изданий.

Основной причиной раздора между изданиями был извечный спор эмигрантов о советской литературе и вкладе эмигрантов в русскую культуру.

¹²⁵ Там же, с. 56

¹²⁶ Жирков, Г.В.: Журналистика русского зарубежья 19-20 веков, 2003
<http://evartist.narod.ru/text5/20.htm>

Главный спор разгорелся между двумя противоположными лагерями – сторонниками журнала "Современные записки" З. Гиппиус, которую поддерживали Д. Мережковский, И. Бунин, В. Ходасевич и журналом ВР и "Вёрсты" во главе с М. Слонимом и Святополком-Мирским¹²⁷. Своё однозначное мнение по этому поводу М. Слоним ясно и живо сформулировал в статье "Литературные отклики. Живая литература и мертвые критики".¹²⁸ В ней он упоминал старшее поколение эмиграции¹²⁹, уверенное в культурной и научной гибели России. Нисколько не преуменьшая творившегося гнёта в советской культуре, автор полемизировал с З. Гиппиус, пишущей в "Современных записках" под псевдонимом А. Крайний. Гиппиус однозначно провозглашала, что все самые лучшие представители русской литературы оказались за рубежом. Отвечая на её утверждение, автор припоминал лишь несколько имён – Ахматовой, Замятина, Сологуба, Брюсова, Белого, говорящих сами за себя. Помимо этого М. Слоним отмечал, что за всё время в эмиграции не появилось новых течений и незначимо творчество старых литераторов, упоминая при этом творческий упадок Бунина, Куприна, из поэтов выделяя лишь Ходасевича и Цветаеву. Ценно его высказывание о том, что писателей нужно рассматривать вне их политического пристрастия, например, не отстаивать монархиста Бунина, не растаптывать критикой большевистского Горького, а уважать их как больших творцов. И самое главное – относиться к революции не как к разрушению, но также и как к рождению нового. Подобное мнение разделял и критик Адамович, который, однако, приписывал истинную ценность советской литературы только в период самой революции, когда литераторы ещё и впрямь верили в "новое искусство". Однако с 30-х годов отмечал скорее упадок советской литературы в её полном ограничении властью.¹³⁰

Что касается самой литературной критики, неоднородными мнения были и в этой области. М. Слоним считал, что все критики подчиняются "законам дружественной критики", когда сотрудники журналов, объединённые одними политическими симпатиями, имеют собственный ограниченный круг писателей, о которых слышны лишь похвалы или же пишут восторженные отзывы о писателях, только лишь из-за принадлежности. При этом М. Слоним полагал, что нужно всего

¹²⁷ Коростелев, О.А., Мельников, Н. Г.: Критика русского зарубежья, 2002, с. 23-24

¹²⁸ Слоним, М.: Литературные отклики. Живая литература и мертвые критики, ВР 1924/4

¹²⁹ упоминается Мережковский, Струве

¹³⁰ Коростелев, О.А., Мельников, Н. Г.: Критика русского зарубежья, 2002, с. 25-26

оценивать эмигрантскую литературу как часть русской и только тогда эмигрантская литература не будет выглядеть провинциальной, герметичной и однообразной.¹³¹

Рассуждая об эмигрантской литературе и писателях в частности, М. Слонимом выделяются общие моменты, которые повторяются из года в год по мере возвращения критика к этой теме:¹³²

- Своеобразный эмигрантский "литературный консерватизм", при котором писатели и читатели предпочитают следовать жанру реализма, повторяют своё же творчество, не находя ничего нового
- Непринятие эмигрантской средой происходящих в России литературных процессов, уверенность в том, что наилучшие авторы оказались за границей, угнетение авторов, идущих новым путем
- Непринятие старшим поколением литературной молодежи как важной литературной смены, которую необходимо принимать, поддерживать и развивать
- Отсутствие эмигрантской литературы как цельной системы, в которой сосуществует разнообразие направлений, идей, школ

Точка зрения о кризисе эмигрантской литературы была свойственна большинству критиков, и лишь их подход к проблеме был разным. М. Слоним со своей стороны говорил о "доживании" эмигрантских писателей и их неспособности привнести новшества в литературу.¹³³ Свою причину кризиса назвал три года спустя В. Ходасевич – она была в излишнем "духе благополучия", в котором оказались литераторы, которые сначала лишь продолжали ранее начатое творчество, а позже и вовсе дошли к некачественной литературе, подытожив, что *"гора книг, изданных за границей, не образует того единства, которое можно бы назвать эмигрантской литературой"*.¹³⁴ Со своей же стороны, Адамович говорил о неправильности осуждения литераторов, о том, что достойная литература всё же существовала, а то,

¹³¹ Слоним, М.: Литературный дневник, ВР 1927/7

¹³² На основе статей ВР 1924/4, 1929/3

¹³³ Слоним, М.: Литературный дневник, ВР 1929,10-11, с.102

¹³⁴ Ходасевич, В.: Литература в изгнании. In: Критика русского зарубежья, 2002, с. 346

что не появилось новых классиков эмиграции, в этом невозможно кого-либо конкретного осуждать.¹³⁵

Марк Слоним не всегда проявлял себя как строгий критик. С совершенно другой стороны характеризует автора статья "Литературные задворки".¹³⁶ Сама статья, написанная острейшим языком, скорее припоминает фельетон, чем заурядную критическую статью. Однако занимателен не только язык, более всего привлекает выбранная тема массовой литературы, так называемой литературной окраины, находящей своего многочисленного читателя. Для российской публики массово интересен был "Тарзан" Э. Р. Берроуза, в эмиграции же, в связи со сложившейся политической обстановкой, по численности читателей превосходил генерал Краснов. Многие имена беллетристов, приведённые критиком, в настоящее время уже ни о чём не говорят современному читателю, так как время всё расставило на свои места.¹³⁷ Однако сам факт их существования омрачал критика, призывая бороться с такой литературой всеми возможными способами. В заключении критик задаётся вопросом, на который, вероятно, даже в сегодняшнем мире нет ответа: *"Когда удастся уничтожить духовные окраины и залить все глухие углы скудоумия и грубости светом подлинного и немеркнувшего искусства?"*¹³⁸

3.1.3 Советская литература глазами современника

Конечно же, как историк литературы, М. Слоним пытался осмыслить и новейшую историю русской литературы. В статье, посвящённой годовщине десятилетия революции, он попытался понять её закономерности и передать их читателю.¹³⁹ М. Слоним первым делом отмечал, что рассматривать литературу трудно не только из-за довольно короткого периода времени, но и из-за политического влияния – как в России, так и за границей стала вдруг важна та или иная политическая принадлежность писателя, к тому же в эмиграции любое новое русское произведение из-за нехватки информации рассматривается в первую очередь как документ, нежели как художественное произведение.

¹³⁵ Адамович, Г.: Одиночество и свобода, 2002, с. 13

¹³⁶ Слоним, М.: Литературные задворки, ВР 1925/1

¹³⁷ упоминаются Хвостов, Белогорский, Первухин

¹³⁸ Слоним, М.: Литературные задворки, ВР 1925/1, с. 143

¹³⁹ Слоним, М.: Десять лет русской литературы, 1927/10

Первое его основополагающее утверждение, идущее вразрез с остальными зарубежными критиками это то, что господствующая власть в стране может повлиять на культуру, но никоим образом ни искоренить её, ни воссоздать. Подтверждением тому, по мнению автора, является отсутствие какого-либо нового пролетарского направления в культуре. Перечисляя большевистских писателей и поэтов¹⁴⁰, имена которых, опять же на сегодняшний день не имеют ценности, остаётся невольно согласиться с убеждением М. Слонима. Говоря о русской литературе, автор сообщает, что во время Гражданской войны и голода она находилась в угнетённом состоянии, но всё же, с 1922 года начала постепенно возрождаться. Именно тогда зарождается новая русская литература и её начинателем критик называет А. Блока, предчувствовавшего революцию, более того изобразившего её подъем и оставившего свой отпечаток на всей последующей поэзии. Также критик отмечает и бесспорное влияние Н. Гумилёва со своей героической романтикой и С. Есенина, родившегося не в свою пору, а *"жаждущего идиллии в годы трагедий и од"*.¹⁴¹ Не скрывая своего восхищения, автор смело называет представителей новой литературы: Б. Пастернака, М. Цветаеву, Н. Тихонова, которые ушли от символичности к полноте слова и сжатости.

В прозе в послереволюционный период возобновилась с новой силой тяга к реализму и даже склонилась более всего к описанию быта всех послереволюционных слоёв. Молодое же поколение прибегает скорее даже к натурализму, описывая как можно ярче, возможно и в ущерб психологизма жизнь, когда *"неприкрашенная, взъерошенная действительность торчком прёт со страниц литературы"*.¹⁴² Продолжателем традиций Чехова и талантливым юмористом считается М. Зощенко, которого, однако, критик предостерегал от превращения в обыденного фельетониста. В прозе же остальных писателей – беспросветная тьма описываемого и уже никакого былого коммунистического героизма. К писателям новой школы неореализма он относил Е. Замятина, чьё творчество повлияло на многих, в том числе и на Л. Леонова, писателя вернувшегося к описанию внутреннего мира человека. Наиболее же значимым неореалистом он называл А. Ремизова, соединившего народность языковую и художественную. В литературе М.

¹⁴⁰ А. Тверяк, С. Обрадович

¹⁴¹ Слоним, М.: Десять лет русской литературы, 1927/10, с. 72

¹⁴² Слоним М.: Десять лет русской литературы, 1927/11-12, с. 100

Слоним видел свободу, более того спасение от коммунистического однообразия, тем более в такое сложное время.

И в этой области находились критикующие позицию М. Слонима, отмечающие, что во всех его текстах предпочтение отдавалось советской литературе, а роль эмигрантской преуменьшалась. Основные критики – З. Гиппиус, Г. Струве, И. Бунин даже видели в высказываниях М. Слонима просоветские черты, поэтому многие статьи Слонима выходили как ответ на обвинения.¹⁴³ Хотя то, что хотел преподнести М. Слоним эмиграции, имело свой смысл. М. Задражилова в своей работе отмечает, что редактор обращался тем самым ко всей современной эмиграции, чтобы та отвлеклась, наконец, от прошлых воспоминаний о России и взглянула в лицо новой литературе, возникающей в России. Именно отсюда берёт истоки пристальное внимание редакции к литературе советской.¹⁴⁴

3.1.4 Остальная литературная критика

При рассмотрении литературно-критических текстов остальных критиков невольно создаётся впечатление, что они лишь дополняют слова своего редактора, не выходя за какие-то определённые рамки.

В подобном же Слониму духе писал и заведующий русским отделом Славянской библиотеки В. Тукалевский, подтверждая слова критика о застоявшемся творчестве эмигрантских писателей, о зарождении в России "живого" языка, близкого и понятного многим – одним словом мысли его только подтверждали те общие идеи, характерные для ВР.¹⁴⁵ Подобны и высказывания Б. Сосинского о Пастернаке и его глубоко национальном языке.¹⁴⁶ Также в журнале появлялись тексты скорее парижского критика – Е. Зноско-Боровского, уделявшего особое внимание молодым парижским поэтам, пророчив успешное будущее Давиду Кнуту.¹⁴⁷ Также многочисленны статьи видного человека эмиграции, библиографа, публициста и сотрудника Русского заграничного исторического архива С. П. Постникова, в которых он в основном занимался журнальным обзорением: от

¹⁴³ Адамович, Г.: *Одиночество и свобода*, 2002, с. 315

¹⁴⁴ Zdražilova, M.: *Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací*. In: *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919-1939)*, с.145

¹⁴⁵ Тукалевский, В.: *Эмигрантские журналы*, ВР 1924/8-9

¹⁴⁶ Сосинский, Б.: *О читателе, критике и поэте*, ВР 1928/2

¹⁴⁷ Зноско-Боровский, Е.: *Среди книг и журналов – Парижские поэты*, ВР 1926/1

российских, эмигрантских по исторические и библиографическими обзоры.¹⁴⁸ Наиболее занимательна своей достоверностью статья, раскрывающая положение советской публицистики, всецело подчинённой коммунистической верхушке.¹⁴⁹ Был показан весь абсурд происходящего, когда не только публицистические статьи зависят от идеологии, но и научные, философские тексты ссылаются на "вождей революции", возведённых до ранга святых. Автор открывал читателю всю правду происходящего, какой бы тяжелой она не была: *"Режим, при котором самым похвальным качеством гражданина, учёного, публициста и общественного деятеля является рабское послушание власти, покаяние или отказ от всякой собственной мысли"*.¹⁵⁰ Приводятся примеры судеб писателей Пильняка, Леонова, которых сломила та самая власть, преследующая все проявления свободной мысли. Становится очевидным, что за советская власть за 15 лет своего правления научилась лишать сопротивления какое-либо человеческое проявление.

То есть, при наблюдении за текстами критиков ВР, очевидны изменения некоторых политических воззрений с течением времени. Спустя десять лет после революции стало ясным, что скорая кончина большевиков, которую ждали эсеры со дня на день, не свершилась и власть их только укрепляется. Первоначальные тексты и полемики с остальными представителями эмиграции о той новой литературе, которая возрождается в России постепенно превращаются в тексты о повсеместном коммунистическом влиянии, о поддавшихся власти писателях, отрёкшихся от своих настоящих произведений и об общей миссии советской литературы как одной из форм пропаганды.¹⁵¹

В целом, тексты рецензентов, пишущих для журнала можно разделить на классические критические статьи о творчестве – например статья историка литературы, профессора Карлова университета Е. Ляцкого о Ф. Достоевском.¹⁵² В то время как большинство критиков интересовали всевозможные трактовки его

¹⁴⁸ Сладек, З., Белошевская Л.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1918-1939, 1998, с. 294

¹⁴⁹ Постников, С.: Режим покаяния, 1932/4-6

¹⁵⁰ Там же, с. 151

¹⁵¹ Слоним, М.: Сталинщина в литературе, ВР 1930/10

¹⁵² Сладек, З., Белошевская Л.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1918-1939, 1998, с. 286

произведений, профессор рассматривал речевое своеобразие писателя.¹⁵³ Также к классическим текстам можно отнести статью В. Шкловского о влиянии Л. Стерна на произведения А. С. Пушкина.¹⁵⁴ Напротив тому, своеобразна статья В. Ходасевича на тему отношения к браку и верности самого Пушкина посредством анализа его произведений.¹⁵⁵ К критическим статьям относятся и тексты Н. Мельниковой-Папоушек, обращавшейся к творчеству Блока, Эренбурга, Бабея, а позже посвятившей много страниц и чешской литературе, в частности, современной прозе.¹⁵⁶

Как приятное разбавление серьёзных политических и литературных текстов служат статьи Е. Недзельского, поэта и переводчика, жившего в Праге. В частности, интересен анализ русского народного творчества в период революции – частушек, пословиц, всевозможных пародий, как воплощение живой народной мысли, которая неизменно реагирует на все жизненные изменения.¹⁵⁷

Бесспорно, как и провозглашали редакторы журнала о своем направлении "лицом к России" большинство текстов посвящено русской литературе, начиная классической, эмигрантской по агитационно-советскую, так как считали неуместным членить и судить её истинность. Вместе с этим довольно значимое место было уделено иностранной литературе, а особенное место заняла на страницах ВР чешская литература, не только как дань стране, предоставившей возможность существованию журнала, но и как возможность познакомить с ней читателей. В первых номерах журнала читателя знакомили с, в то время уже зрелыми чешскими авторами, (Й. С. Махар, А. Сова, Р. Медек) в серии статей "Письма о чешской литературе", написанные Г. Елинеком.¹⁵⁸ Чешская поэзия также была широко представлена, её знакомством с читателем занялся К. Бальмонт, так как он довольно серьёзно занимался переводом чешской поэзии, именно эта любовь, желание соединить два славянских народа посредством поэзии и послужило причиной, по

¹⁵³ Ляцкий, Е.: Художественная стихия в творчестве Ф. Достоевского, ВР 1922/4

¹⁵⁴ Шкловский, В.: Евгений Онегин, ВР 1922/6

¹⁵⁵ Ходасевич, В.: Молитва Иосифу, ВР 1924/1

¹⁵⁶ См. Мельникова-Папоушек, Н.: Неизданные стихи Блока, ВР 1926/6-7, Конармия 1926/8-9, Новые романы Эренбурга 1926/10

¹⁵⁷ Недзельский, Е.: Народная поэзия в годы революции, ВР 1924/5,6-7

¹⁵⁸ Елинек, Г.: Письма о чешской литературе, ВР 1924/8-12

которой поэт решил побывать в Чехословакии для изучения языка.¹⁵⁹ Также о многом говорит отдельно созданная рубрика "Славянский обзор", которая затрагивала различные темы славянства.¹⁶⁰ В более же поздних выпусках, когда журнал уже фактически печатался во Франции, формально оставаясь в Чехословакии, чешская литература уступала, оставляя все же место для политических рассуждений – развития отношений России и Чехословакии.¹⁶¹

Из всей многочисленной плеяды имён, разобранных с разных сторон, в рецензиях критиков у читателя наверняка вызовет интерес к тем сегодня известным, чьё творчество тогда только-только зарождалось. Ими были и пражские поэты, которым уделялось особое и трепетное внимание, было и пристальное внимание к молодым русским писателям. Особый интерес представляет рецензия на вышедший роман Набокова, пишущего ещё под псевдонимом Сирина – "Машенька". Хотя критик и относится снисходительно к молодому возрасту писателя, но отмечает слабое художественное исполнение произведения, видя его силу только в небольших описаниях персонажей, считая его повествование приводящим в скуку.¹⁶² Однако главный критик по литературной части напротив, видел в Сирине одну большую выгоду – не унылые воспоминания о прошлой доэмигрантской жизни, а обращения к действительности.¹⁶³

Таким образом, если подытожить всю литературно-критическую часть журнала, необходимо сказать о её богатстве и разнообразии. Безусловно, основное слово было за редактором М. Слономом, критические тексты которого выделяются на общем фоне и чьи умозаключения влияют на написанное остальными критиками. Однако бесспорная ценность литературного отдела журнала заключалась в том, что редакторы боролись с односторонним отображением литературной жизни, отстраняясь от разделения по политическим мировоззрениям авторов, старались рассматривать по мере их талантливости. В этом, по нашему мнению, и состоит

¹⁵⁹ Письмо К.Бальмонта к З.Завазалу об изучении им чешского языка для переводов Я. Врхлицкого. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1918-1939, 1998, с. 82

¹⁶⁰ напр. ст. Изучение славянства в Италии, ВР 1927/7, Современная чешская поэзия, ВР 1927/8-9, О гуситстве, ВР 1928/2, Творчество Ванчуры, ВР 1928/4

¹⁶¹ Напр. Папоушек, Я.: Предпосылки политических отношений России и Чехословакии, ВР 1930/9

¹⁶² Мельникова-Папоушек, Н.: Отзывы о книгах, ВР 1926/5

¹⁶³ Слоним, М.: Литературный дневник. Молодые писатели за рубежом, ВР 1929/10-11

вклад ВР в эмигрантское общество – в создании литературной полемики не только в печатных средствах, но и в творческих кругах.

4 Литературно-художественный отдел

Наиболее важной частью журнала, по нашему мнению, была именно её литературно-художественная часть. Если политические мировоззрения во все времена являлись наиболее непостоянными, искажёнными или подверженными влиянию, то художественное произведение остается ценным на века. Возможно литературные произведения, представленные в журнале, и есть та самая *воля* России, которая далека от политики, идеологии, убеждений и разногласий – литературное произведение противоположно пропаганде и его интерпретация полностью отдана во власть отдельного читателя.

Так как и во всём журнале можно проследить три основные темы, сопровождающие тематику журнала – эмигрантскую, советскую и иностранную литературу, так и печатающиеся произведения можно разделить по этому же критерию.

4.1.1 Иностранные авторы

Ранее нами уже отмечалось, что большое внимание было уделено статьям о чешской литературе, подобная тенденция отмечалась и в публикациях литературных произведений. Редакторы журнала постепенно выводят на суд читателей самые интересные на их взгляд произведения. Так, например, посредством журнала читатели знакомятся с творчеством молодого чешского писателя Йиржи Волькера, которого представляют как "*поэта любви, поэта труда, поэта борьбы*".¹⁶⁴ Писатель являлся представителем, так называемой пролетарской литературы, которая, однако, по мнению редакторов журнала, дистанцировалась от эксцентричности и тяготела скорее к "*социальному неоклассицизму*".¹⁶⁵ В журнале его творчество представлено антибуржуазной сказкой "*О миллионере, который украл солнце*".

Кроме этого печатались отдельные стихотворения Й. Махара, А. Совы, произведения К. Чапека, Я. Неруды. Не обошли стороной писателя-новатора в области стиля В. Ванчuru, напечатав отрывок из дебютной книги "*Течение*".

¹⁶⁴ Предисловие к ст. О миллионере, который украл солнце, ВР 1924/16-17, с. 21

¹⁶⁵ Там же

Амазонки".¹⁶⁶ Говоря о чешских переводах, необходимо заметить, что довольно часто мы встречались с переводами названий произведений, отличающихся от сегодняшних. Сами тексты с чешского языка, например стихотворения чешских поэтов также переводились поэтами, оказавшимися в эмиграции и сотрудничающими с журналом К. Бальмонтом, П. Потёмкиным.

Из иностранных авторов предпочтение отдавалось французским писателям, встречается произведение "Неведомое творение"¹⁶⁷ О. де Бальзака, как писателя пытавшегося в своём творчестве осознать послереволюционную жизнь. Самими редакторами выделялось творчество Марселя Пруста, как самого выдающегося современного французского писателя и публиковался неизданный отрывок под названием "Смерть Альбертины".¹⁶⁸ Также в журнале публиковался Р. Ролан, который также обращался в своем творчестве к Великой французской революции, поддерживал Февральскую революцию и был приветствован в советской России. И, конечно же, Анатоль Франс – видный писатель и социалист по убеждениям, даже выступавший в защиту российских социалистов-революционеров.¹⁶⁹

В целом, можно отметить, что при выборе иностранной литературы большого разнообразия не наблюдалось. Предпочтение отдавалось чешским писателям, пусть даже не в очень удачных переводах и писателям французским, в чьём творчестве отразилась французская революция, так близкая тому смятению, творившемуся в тогдашней России. Однако стоит сказать, что это никоим образом не повлияло на общую картину журнала, так как центральными произведениями журнала являлась советская и эмигрантская литература.

4.1.2 Советские авторы

Позиция редакторов, а точнее главного редактора по литературной части М. Слонима по отношению к советской литературе была однозначна. Он считал, что несмотря на все политические ущемления, главенствующую пролетарскую литературу и гнетущую обстановку гонений и донесений в обществе – это всё не остановило развития молодых и стоящих авторов. Как предзнаменование возрождения русской литературы он видел кружок "Серрапионовых братьев",

¹⁶⁶ используемое сегодня название "По течению Амазонки"

¹⁶⁷ используемое сегодня название "Неведомый шедевр"

¹⁶⁸ ВР 1925/11

¹⁶⁹ Слоним М.: Анатоль Франс, ВР 1924/16-17

собранный писателей различных направлений от ироничного М. Зощенко до патетичного Н. Тихонова, сплочённых общей идеей о независимости от социального подчинения, о свободе творчества.¹⁷⁰ Редакторы были остро настроены против тех, кто не хотел видеть литературных процессов в России, говоря о её искоренении политическим строем. Они утверждали, что именно в такой период литература становится единственным спасением от "единообразной коммунистической колодки".¹⁷¹

Из советских писателей были опубликованы произведения А. Белого, поэта и писателя, успевшего вдохновиться и разочароваться идеями революции, жившего и вернувшегося из эмиграции и закончившего свои дни как рьяный коммунист.¹⁷² В журнале А. Белый был представлен как один из тех, кто внёс свою лепту в развитие нового стиля, далёкого от литературного и высокого. Преподнося его как одного из крупнейших представителей символизма, отличающегося своей ритмической прозой, редакторы познакомили читателей с отрывком его произведения "Очерки Африки"¹⁷³, написанное во время путешествий по Африке.

Также высоко ценилась проза Б. Пильняка, представленного читателям как писателя, на чье творчество непосредственно повлиял А. Белый, как и он, перенося в прозу приёмы поэзии. В журнале 1922 году появилась глава из его романа "Голый год" как лучшее его послереволюционное произведение¹⁷⁴, так как остальное его творчество расценивается М. Слонимом как неустойчивое, в частности, упоминается отречение от антибольшевистского романа "Непогашенная луна", в котором скрыто была описана ликвидация Сталиным Фрунзе. Однако тогда ещё критик не подозревал как закончится судьба этого талантливый писателя, сломленного наконец теми, чью безнаказанность описывал он в своих произведениях. Позже, уже в 1929 году после начала травли писателя, редакторы выступали против коммунистического произвола по отношению к Пильняку и Замятину.

¹⁷⁰ Слоним, М.: Серапионовы братья, ВР 1922/1

¹⁷¹ Слоним, М.: Десять лет русской литературы, ВР 1927/10-11, с. 118

¹⁷² Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с.162

¹⁷³ используемое сегодня название "Африканский дневник"

¹⁷⁴ ВР 1922/8

Из поэтических произведений, была напечатана поэма "Космос" М. Волошина. Также опубликована поэма Пастернака "Лейтенант Шмидт", впервые напечатанная за рубежом, ещё в своём первоначальном виде, то есть с посвящением в виде акростиха М. Цветаевой, которое, однако, в последующем было, по просьбе самого автора, снято из-за острой критики этой главы самой поэтессой и из-за обвинения в "зашифрованном вредительстве".¹⁷⁵

О Маяковском М. Слоним всегда оставался при своём неизменном мнении, присуждая ему звание "революционного куплетиста", который потерял звание поэта и стал придворным большевиков. При этом критик примечал, что Маяковский всё-таки был новатором, привнёс в поэзию неповторимый ритм, остроту, но сам "убил в себе поэта".¹⁷⁶ Несмотря на это определённое негативное отношение к творчеству Маяковского, в 1930 году была напечатана и его сатирическая пьеса "Баня", обличающая несменных бюрократов со своей свитой.¹⁷⁷

Более всего уделялось внимание творчеству Е. Замятина. Ещё в своих критических статьях М. Слоним часто упоминал кружок "Серапионовых братьев", организовавшийся вокруг Е. Замятина, так и посвящал немало слов его творчеству, отзываясь о нём как о лучшем писателе нового направления после Ремизова. В текстах Замятина критик выделял совершенство композиции, соединённое с неповторимой иронией и гуманизмом.¹⁷⁸ Судьба писателя, идущая вразрез с политической властью, не могла быть спокойной и безбрежной. Несмотря на свою большевистскую молодость и революционный настрой, так же как и все стоящие писатели быстро и навсегда разочаровался в своём начинании и более того, предвидел то, чего было не миновать при сложившейся политической ситуации, за что и подвергался гонениям, а самое печальное для творца – молчанию. Замятин был однако, одним из немногих, кто официально получил разрешение эмигрировать, более того, после обращения к самому Сталину.¹⁷⁹

¹⁷⁵ Пастернак, Е.: Борис Пастернак. Биография,
<http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/pasternak-e-b/biografiya-1-1.htm>

¹⁷⁶ Слоним, М.: Литературный дневник, ВР 1930/5-6

¹⁷⁷ ВР 1930/11

¹⁷⁸ Слоним, М.: Десять лет русской литературы, ВР 1927/10-11

¹⁷⁹ Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с.153

Первое произведение, знакомящее читателей ВР с творчеством Замятина, был отрывок из повести "На куличках" под названием "Божий зевок"¹⁸⁰, далее уже в 1926 году следовал рассказ "Икс"¹⁸¹ и, конечно же, всем известная антиутопия "Мы", написанная ещё 1921 году, которая впервые в отрывках была опубликована в "Воле России" в 1927 году.¹⁸² Причём примечание редакторов к публикации было довольно расплывчатое, упоминается якобы взятый из "Лидовых новин" чешский перевод, который редакторы сверяли с переводом английским, вышедшим в 1925 году. Хотя даже это закамуфлированное послание не уберегло писателя от начавшихся преследований в России. Сами редакторы, издавшие без согласия автора роман, не могли остаться равнодушными к развернувшейся травле против Е. Замятина и Б. Пильняка.¹⁸³ По-видимому, скандальная публикация стала только поводом для превращения, до этого аполитичного "Союза писателей" в чисто коммунистическую организацию. В этом же номере предоставлялся простор для объяснений самого автора произведения. Им подчёркивалось, что та самая "возмутительная пародия на коммунизм" была написана задолго до первой русской публикации за границей. Впервые же роман был опубликован в 1925 году на английском и позже чешском языке, что не скрывалось и освещалось в русской прессе. О самой публикации на русском языке Е. Замятин узнал лишь после решения журнала о его выпуске и пытался прекратить какое-либо дальнейшее печатание. В своём же письме Замятин заявляет о своём выходе из "Всероссийского союза писателей", организации, так легко отрёкшейся от писателя, подвергая его повсеместной травле. Событие положило начало тем многочисленным процессам с писателями, которые стали печальной страницей в истории русской литературы.

4.1.3 Писатели в эмиграции

Несмотря на то, что некоторые видные критики (Г. П. Струве), анализируя вклад эмигрантских литераторов, склонялись к мнению, что самой ценной была не художественная литература, а скорее критика, эссеистика, мемуаристика, глядя на имена, печатающиеся только в ВР с этим нельзя согласиться.¹⁸⁴

¹⁸⁰ ВР 1923/15

¹⁸¹ ВР 1926/8-9

¹⁸² ВР 1927/2

¹⁸³ Дело Пильняка и Замятина, ВР 1929/10-11

¹⁸⁴ Коростелев, О.А., Мельников, Н.Г.: Критика русского зарубежья, 2002, с. 3

При всём уважении редакторов к таланту крупнейших представителей старшего поколения эмиграции, таких как Бунин, Куприн, Шмелев, Мережковский, Гиппиус простор ВР им предоставлен не был – для них существовал другой тип журналов. "Воля России" открывала свои страницы литераторам, выбравшим новые пути в литературе и оставшимся изолированными в кругу старших коллег.

Константин Бальмонт, пожалуй, единственный лирик старшего поколения, нашедший своё место в журнале. Как мастер мелодичной поэзии сопровождал своими произведениями журнал от самых его истоков. Находясь во второй раз в эмиграции в Париже, 1920-1924 год приходился и на самый плодотворный период его деятельности, поэтому его произведения в 1924-25 году выходили почти в каждом номере. Более поздний период характеризует Бальмонта с другой стороны – как переводчика, в чьих переводах выходили образцы чешской современной поэзии. Позже, когда журнал приобрёл более новый облик, благодаря молодым поэтам, Бальмонт и вовсе был вытеснен со страниц журнала.

Б. Зайцев, также оказавшийся в эмиграции и усладившийся в Париже, отличался своей умиротворённостью и беззлобностью к бесконечным литературным спорам в эмигрантской среде. Однако в журнале не был обольщён большим вниманием, были напечатаны лишь пьеса "Дон Жуан" и рассказ "Новый день".¹⁸⁵ Возможно потому, что скорее относился к старшему поколению литераторов, печатающихся в таких журналах как "Современные записки". Таким образом, нельзя с полной уверенностью сказать, что выбор произведений был беспристрастным, он скорее отражал тот курс, выбранный редакторами и идущий вразрез с писателями старшего поколения.

Напротив, как писателя, находящегося в поисках нового стиля и нового языка М. Слоним отмечал Г. Газданова. В молодом писателе критика привлекало сочетание художественной напряжённости с иронией и лирикой.¹⁸⁶ Начало его сотрудничества с журналом приходится на 1927 год, когда публикуются его первые произведения "Повесть о трёх неудачах", "Рассказы о свободном времени".¹⁸⁷ Творчество начинающего писателя было многообещающим, так как первая же его

¹⁸⁵ ВР 1922/4, ВР 1923/5

¹⁸⁶ Слоним, М.: Литературный дневник. Молодые писатели за рубежом, ВР 1929/10-11

¹⁸⁷ ВР 1927/8-9

публикация в журнале размещалась в том знаменитом выпуске вместе с выходом романа "Мы" Замятина и поэмой Б. Пастернака "Лейтенант Шмидт".¹⁸⁸ Говоря о Г. Газданове, нельзя не сказать о его старшем друге А. Ремизове, встреча которых произошла заочно именно на страницах журнала – произведения обоих авторов вышло в осеннем номере 1927 года. Обоих авторов, разделённых поколениями, объединяло особенное повествование, где в центре внимания стоял психологизм персонажа, а не захватывающая сюжетная линия.¹⁸⁹

А. Ремизов был любимцем "Воли России". Он был писателем вне каких-либо направлений или школ. В литературных кругах, Ремизов считался создателем нового стиля, неповторимого языка и мастера самых различных тем. Все беды революции и Гражданской войны Ремизов пережил в России, эмигрировав только в 1921 году и осел в Париже, где опубликовал более 40 книг.¹⁹⁰ Отрывки из его центрального произведения "Взвихренная Русь" появились и в журнале в 1926 году.¹⁹¹ В произведении, считающимся самым значимым рассказом о Гражданской войне, смешана правда с вымыслом, сознательное с подсознательным, представляя водоворот молитв, выкриков, диалогов и снов. Истоки творчества Ремизова лежат в фольклоре, древнерусском языке, сказаниях.¹⁹² Видя в Ремизове истоки народности и одновременно новое веянье, редакторы включали его произведения в журнал довольно часто, так например, печатается в нескольких номерах его роман "С огненной пастью", "Росталь"¹⁹³, но и легенды позднего творчества¹⁹⁴ и даже его статьи-размышления о творчестве классиков.¹⁹⁵ Его неповторимый стиль, уходящий корнями в древнюю Русь, оставил свой след и в дальнейшей литературе орнаменталистов – Замятина, Пильняка, В. Иванова.¹⁹⁶

¹⁸⁸ ВР 1927/2

¹⁸⁹ Попов, И.: Ремизов и Газданов: мифологическое сознание, <http://www.hrono.ru/text/ru/popov0904.html>

¹⁹⁰ Там же

¹⁹¹ ВР 1926/2, 3

¹⁹² Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с. 81-82

¹⁹³ ВР 1924/14-19, ВР 1924/1-2

¹⁹⁴ Ремизов, А.: Две легенды, ВР 1927/8-9

¹⁹⁵ Напр. Тайна Гоголя, ВР 1929/8-9

¹⁹⁶ Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с. 82

4.2 Марина Цветаева

Имя Марины Цветаевой неразрывно связано именно с "Волей России". Страницы журнала украшала не только её неповторимая поэзия, но и проза и даже статьи на литературные темы. Невооружённым взглядом видно, что ни один другой литератор не встречался настолько часто в литературно-художественной части.

Начало творчества Цветаевой не было встречено в литературных кругах как торжественный приход восемнадцатилетней поэтессы мир литературы. Первый сборник "Вечерний альбом" был принят, в то время уже состоявшимися поэтами Брюсовым и Гумилёвым, благосклонно и оценивался скорее как *"милый сборник признаний"*.¹⁹⁷ Однако настоящий талант поэтессы не только распознал, но и взял на себя роль учителя М. Волошин, оставшийся им на всю жизнь. Пожалуй, самым судьбоносным моментом была встреча поэтессы со своим будущим мужем С. Эфроном, с первого же момента поэтесса поняла всю значимость их встречи и данное ею обещание никогда не покидать его выполнила. Второй сборник также не принёс ни славы, ни даже благосклонной критики, однако изданный сборник "Из двух книг" в 1913 году уже был оценен высоко, третий же сборник "Юношеские стихи" уже нёс в себе новый этап творчества поэтессы, по-настоящему повзрослевшей. Гражданская война и смятение, происходившее в России, выплеснулись в сборнике "Лебединый стан" и хотя поэтическом плане это был успех, в самой жизни семью Цветаевой ожидали трагические события: страх за мужа, примкнувшего к белой армии и их последующая долгая разлука, попытка выжить в страшное время с двумя детьми, без известий о муже и каких-либо средств на проживание и, безусловно, самый страшный удар для матери – смерть ребёнка. Все эти тяготы описаны в первой прозе Цветаевой "Земные приметы", вышедшей намного позже именно в ВР. В 1921 году был не только закончен сборник "Ремесло", но и нашёлся муж Цветаевой, который оказался за границей, так для поэтессы начинается новая эра – уже в эмиграции.¹⁹⁸

¹⁹⁷ Razumovsky, M.: Marina Cvetajevova. Mýtus a skutečnost. Praha, 2009, с. 74

¹⁹⁸ Там же

Первые шаги в эмиграции были довольно успешными, так как ещё перед приездом в Берлин уже были изданы два сборника поэтессы, благодаря стараниям Эренбурга. Судьбоносным моментом для журнала стало знакомство поэтессы в одном из кафе Берлина с М. Слонимом, тогда ещё начинающим редактором "Воли России". На тот момент журнал уже готовился превратиться в толстый ежемесячник и редактор, уже оценивший творчество Цветаевой, предложил предоставить её стихи для публикации. Рассказывая о своей встрече с Цветаевой, Слоним замечает, что на сотрудничество с журналом повлияло и то, что редакция в Праге находилась в старинном здании, где Моцарт творил своего "Дона Жуана", что совершенно очаровало поэтессу и даже социал-революционное направление журнала не остановило Цветаеву.¹⁹⁹ Как шутил впоследствии М. Слоним: *"Я до сих пор убеждён, что именно Моцарт повлиял на её решение"*.²⁰⁰

Позже, летом 1922 года, переселившись в деревушку Мокропсы, Цветаева посещала Прагу несколько раз в месяц лишь в редакцию "Воли России", остальное же время проводя дома среди природы и насущных забот, так отличавшихся от насыщенной литературной жизни в Москве. Даже молниеносные переезды не помешали творить поэтессе. Сразу же после приезда в Чехословакию, Цветаева пишет цикл "Сивилла", "Деревья", "Заводские", поэма "Молодец" – всё это было опубликовано и в ВР. При первом же посещении редакции журнала поэтесса столкнулась с дружеской встречей сотрудников, однако настоящая дружба завязалась именно с Марком Львовичем.²⁰¹ Их первая, сугубо деловая встреча, где обсуждалась публикация пьесы "Феникс" со временем переросла в крепкую и настоящую дружбу. Слоним, имея много знакомств среди высших кругов, во многом помогал семье Цветаевой, например, добился получения стипендии, так как прожить только на студенческую стипендию мужа и чешское иждивение было нелегко. Конечно же, большой заслугой Слонима было и издание Цветаевой почти всех её произведений, несмотря на то, что тематика с монархическими настроениями, присущими для доэмиграционного творчества поэтессы, совсем не вписывалась в программу журнала.²⁰²

¹⁹⁹ Кудрова, И.: *Путь комет. После России*, 2007

²⁰⁰ Там же, с.16

²⁰¹ Там же

²⁰² Razumovsky, M.: *Marina Cvetajeva. Mýtus a skutečnost*. Praha, 2009

С 1922 года практически каждый выпуск был сопровождён стихами М. Цветаевой: начало её сотрудничества положил цикл стихов "Сугробы"²⁰³, далее появилась пьеса в стихах "Феникс"²⁰⁴, "Юношеские стихи", "Сивилла", "Деревья", Лестница²⁰⁵, впервые печатают стихотворение "Красный бычок"²⁰⁶, а также отдельные стихотворения. В полном объёме вышла поэма "Крысолов" только в "Воле России"²⁰⁷, обеспечившее поэтессу на целый год. С ней также была связана курьёзная ситуация с написанием названия поэмы. В 4 номере 1925 года поэма приведена как "Крыселов", как и значилось у самой поэтессы, редакторы же сомневались в правильности написания, но по настоянию Сталинского оно осталось как и в оригинале. Позже, после проверки по словарям стало ясно, что это ошибка самой поэтессы, в которой она сама вспоминала в своих дневниках.²⁰⁸ Однако в более поздний период, уже не всё беспрекословно печаталось в ВР. Так, например, поэма "Перекоп" с белогвардейской тематикой о Гражданской войне, написанная поэтессой в 1929 году не была рекомендована М. Слонимом к печати, как можно узнать из писем А. Тесковой, своей единственной чешской подруге. Она говорила: *"... Даже "Воля России" отказалась – мягко, конечно, – не задевая, – скорее отвела, чем отказалась"*.²⁰⁹

Несмотря на все бытовые невзгоды, три года проведённые в республике оставили в семье Цветаевой светлые воспоминания. Расцвет же творчества пришелся на 1924 год, столь бурный и печальный в личных переживаниях, но принесший "Поэму Горы" и "Поэму Конца". Именно последние чехословацкие годы принесли поэтессе должное признание и творческие успехи, появлялись даже первые переводы поэзии на чешский язык, но всё же, надежда завоевать литературный Париж был сильнее, так же как и бытовая неустроенность и массовый переезд эмигрантов во Францию. Какое-то время поэтесса печаталась в "Современных записках", в "Вёрстах" же была опубликована её лучшая "Поэма

²⁰³ ВР 1922/26-27

²⁰⁴ ВР 1924/8-9

²⁰⁵ ВР 1925/3, ВР 1926/5, ВР 1926/8-9, ВР 1926/11

²⁰⁶ ВР 1928/12

²⁰⁷ ВР 1925/4, 5, 6, 7, 8, 12, 1926/1

²⁰⁸ Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь вторая http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_2tet_18.php

²⁰⁹ Горомова, Н.: Цветы и гончарня, Письма Марины Цветаевой к Наталье Гончаровой <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7311.php>

Горы" – единственное, по словам Слонима, стоящее произведение журнала.²¹⁰ Тогда же начинается и непринятие поэтессы сначала в советской России – из-за очерка о Брюсове, с её антикоммунистическим подтекстом, а позже и в эмигрантских кругах, после публикации антимонархической статьи о газете "Возрождение". Однако некоторые коллеги считали, что в непонимании её обществом была и вина самой поэтессы. А. Бахрах, например, говорил о том, что Цветаева не хотела ладить не только со своими читателями, но и с редакторами, часто не отдавая себе отчёт в какие по направленности журналы предлагает свои произведения. Он говорил: *"Она отвергала какие-либо компромиссы и всё, что делала, было вызывающим. Но кого она вызывала? В первую очередь себя саму, свою судьбу"*.²¹¹ Также к общему негативному восприятию Цветаевой добавлялись воззрения её мужа. Последний сборник поэтессы "После России" вышел 1928 году, после чего уже произведения М. Цветаевой не печатались. Полное отторжение произвело её приветствие приехавшему Маяковскому, опубликованное в евразийском журнале. Это событие только убедило эмигрантское общество в её сотрудничестве с большевиками.²¹² Сама поэтесса писала о своём творчестве в письме Иваску: *"В 1922 году уезжаю за границу, а мой читатель остается в России – куда мои стихи (1922-1933) не доходят. В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почуяв – не свое: тамошнее! Содержание, будто, "наше", а голос – ихний"*.²¹³

Последнее же её стихотворное произведение "Сибирь", впервые напечатанное именно в ВР появилось в 1931 году.²¹⁴ Цветаева была благодарна журналу за то, что и во времена, когда он поэтессы отвернулся все, продолжались печататься её произведения. Она говорит, в продолжении о своём творчестве: *"...Затем Версты (сотрудничество у Евразийцев), и окончательное изгнание меня ото всюду, кроме эсеровской Воли России. Ей я многим обязана, ибо не уставали печатать – месяцами! – самые не понятные для себя вещи: всего Крысолова (б*

²¹⁰ Кудрова, И.: Путь комет. После России, 2007

²¹¹ Razumovsky, M.: Marina Cvetajeva. Mýtus a skutečnost. Praha, 2009, с. 223

²¹² Там же

²¹³ письмо от 4 апреля 1933, http://www.tsvetayeva.com/letters/let_ivasku.php

²¹⁴ ВР 1931/3-4

месяцев!), "Поэму Воздуха", добровольческого (эсеры, ненавидящие белых!) "Красного Быка", и т. д.²¹⁵"

А дальше вся жизнь катилась, как по наклонной – сначала раскол евразийцев, закрытие журнала ВР в 1932 году, единственного источника средств, сотрудничество в "Союзе возвращения" Эфрона, отъезд дочери и мужа в СССР, полная творческая изоляция и, наконец, возвращение самой Цветаевой в Россию, что уже само по себе предзнаменовало смерть.²¹⁶

4.2.1 Проза Цветаевой

М. Цветаева занималась и прозой, которая не менее интересна, чем поэзия и была напечатана впервые именно в ВР. Её тексты представляют собой отрывки, где каждая мысль, история, зарисовка отделена от другой и графически, припоминая заметки. Так читатель мог впервые познакомиться на страницах журнала с отрывками из дневников, ещё с московского времени, которые поэтесса собиралась включить в книгу "Земные приметы".²¹⁷ Эти отрывки настолько лаконичны, они собрали в себе всю боль, находящейся в одиночестве, да ещё в ужасное время, поэтессы. Как будто между прочим, среди размышлений об искусстве, любви, богатстве упоминается и послереволюционное голодное время и окружение, не видящее мучений не только поэтессы, но главное матери.

Годом позже своей премьеры дождалось эссе Цветаевой "Герой труда. Записи о Валерии Брюсове", которое было приурочено к недавней смерти поэта.²¹⁸ В своём эссе опять же в виде отдельных мыслей о нём, воспоминаний, размышлений поэтесса не воспевала врожденный талант поэта, но говорила о его удивительной воле "творец творца в себе"²¹⁹, не говорила о новшествах, а замечала предугадываемость поэзии и, несмотря на неоднозначное мнение к поэту в эмиграции, не считала его подчинённым советской власти, что и хотела передать в своем эссе. Как уже говорилось выше, именно это эссе принесло Цветаевой волну непонимания.

²¹⁵ Там же

²¹⁶ Razumovsky, M.: Marina Cvetajevova. Mýtus a skutečnost, 2009

²¹⁷ ВР 1924/1, 2

²¹⁸ ВР 1925/9-10, 11

²¹⁹ Цветаева, М.: Герой труда. Записи о Валерии Брюсове, ВР 1925/9-10, с. 47

Самое, пожалуй, сильное впечатление оставляет очерк, также впервые появившийся в журнале "Октябрь в вагоне".²²⁰ Это дневниковые записки поэтессы, ещё с московских времён, когда её муж участвовал в московских боях. Очерк наполнен переживаниями матери и жены, возвращающейся в город, охваченный революцией. Атмосфера разрозненности, потерянности и удивительное предсказание Волошина о том, что будет происходить после революции: "... *террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лица, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь...*"²²¹

Не менее занимательна судьба переписки поэтессы с австрийским поэтом Р-М Рильке и переведённые ею 7 собственных же писем поэту, опубликованные в журнале в 1929 году.²²² Полную же переписку с Рильке поэтесса не пожелала печатать сразу же после смерти её друга, а лишь через 50 лет, когда "... *письма Рильке станут просто письма Рильке – не мне – всем ...*"²²³ Переписка связывала не только этих двух поэтов, но и Б. Пастернака, соединяя этих замечательных литераторов из разных уголков мира художественным словом.

Удивительная увлечённость Цветаевой в людях, различных, но особенных приводила к тому, что поэтесса буквально влюблялась в людей, встречающихся ей на своём жизненном пути. Таково и знакомство поэтессы в 1928 году с Натальей Гончаровой художницей-авангардисткой и дальней родственницей жены А. Пушкина. Именно это и вдохновило Цветаеву на написание очерка о Гончаровой²²⁴ пушкинских времён и той современной, соединяя в одном тексте эссе, с элементами интервью и исследования.²²⁵

Сам литературный редактор М. Слоним, которого связывала долголетняя дружба с М. Цветаевой, видел и понимал её творчество лучше, чем соотечественники, часто не видевшие смысла в её произведениях, упрекающие её поэзию в ухищренном языке и бессодержательности. Не только читатели, но и среди критиков и литераторов находились те, кто отзывался скорее негативно, среди них Б.

²²⁰ ВР 1927/11-12

²²¹ ВР 1927/11-12, с. 9

²²² Цветаева, М.: Несколько писем Райнер-Мариа Рильке, ВР 1929/2

²²³ Там же, с.26

²²⁴ Цветаева, М.: Наталья Гончарова, ВР 1929/5-6, 7, 8-9

²²⁵ Горомова, Н.: Цветы и гончарня, Письма Марины Цветаевой к Наталье Гончаровой <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7311.php>

Зайцев, который видел в поэзии Цветаевой истеричность и манерность или же критик Г. Адамович, не нашедший ничего нового в её произведениях.²²⁶ Именно для таких читателей Слоним пояснял, что как раз таки содержанием и эмоциями переполнены её строки, её слова близки по звучанию и сжаты в лаконичной фразе. Критик считал поэтессу единственной своим творчеством, перекликающимся с происходящим в России.²²⁷

4.3 Поддержка молодых литераторов

Главным спором творческой эмиграции была полемика двух видных критиков Адамовича и Ходасевича о молодой литературе. Оба критика сходились на одном общем утверждении, что эмигрантская литература находится в кризисе, но у каждого был свой собственный выход из положения. Если Ходасевич придерживался более классической точки зрения и считал, что эмигрантская молодёжь должна учиться мастерству у классиков, то Адамович, напротив, призывал молодых писать и творить в своём духе, без оглядки на классику.²²⁸ У обоих критиков были свои приверженцы среди молодых, хотя, более отчётливо себя проявили именно те, кто старался описать свои чувства, без оглядки на литературных предков.

Редакторы ВР не останавливались лишь на критике своих коллег по литературе в "Современных записках", которые публиковали писателей, заслуживших уже ранее своё имя. Более того, ВР шла своим путем, как точно замечено в книге "Rusko mimo Rusko", создавая неповторимый "*альтернативный простор*" в эмигрантском обществе.²²⁹ Однако нельзя утверждать, что ВР была единственной организацией, уделяющей внимание молодому поколению. Именно то распространённое мнение многих об отчужденности и неприкаянности молодых литераторов опровергается современными исследователями, которые утверждают, что наоборот лишь небольшая группа старших писателей в лице Бунина, Алданова и Шмелева не воспринимала должным образом новое поколение. Остальные же

²²⁶ Кембалл, Р.: <http://www.pseudology.org/Slonim/SlonimMark2.htm>

²²⁷ Слоним, М.: Литературные отклики, ВР 1926/8-9

²²⁸ Коростелев, О.А., Мельников, Н.Г.: Критика русского зарубежья, 2002, с. 21

²²⁹ Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1, 1993, с. 182

критики, в том числе и большинство сотрудников ВР, тщательно следили за всеми начинаниями молодого поколения.²³⁰

Первое серьёзное внимание в журнале было уделено молодым литераторам в 1925 году, со знакомства читателей с литературным кружком "Скит". Открывал это новое направление журнала С. Рафальский с футуристической поэмой "Планетарит".²³¹ И, после недолгих убеждений своих коллег М. Слонимом в необходимости предоставления простора молодому поколению, уже с 1926 года волна новых и молодых текстов врывается на страницы журнала.²³² Первый литературно-критический разбор парижской молодой поэзии произвёл Е. Зноско-Боровский, обратив внимание на недавно вышедшие сборники поэтов, отметив Б. Божнева, А. Гингера, Д. Кнута.²³³ Не заставила себя долго ждать и подборка примеров творчества этих и других парижских поэтов в следующем же выпуске.

В течение 1926 года на суд читателей были предоставлены сначала произведения целой группы поэтов В. Андреева, Н. Борисова, А. Булкина, А. Гингера, Д. Кнута, А. Ладинского, Н. Жемчужниковой, С. Луцкого, В. Познера, М. Струве, Ю. Терапиано, В. Парнаха.²³⁴ Позже постоянное внимание уделялось лишь наиболее интересным поэтам, часто и вплоть до закрытия журнала появлялись имена А. Ладинского, Д. Кнута, А. Гингера, В. Андреева, Б. Поплавского. Первый же выпуск 1928 года познакомил читателей с творчеством сразу нескольких пражских поэтов Н. Болесцисом, Х. Ирманцевой, Вяч. Лебедевым, С. Нальянч, М. Мыслинской, А. Фотинским, А. Эйсером.²³⁵

Также для развития молодых писателей, журналом был объявлен конкурс лучшего рассказа об эмигрантской жизни. Главный критик журнала не был доволен большинством присланных работ, поэтому и не присудил никому первое место, отзываясь об отсутствии новшеств, о старом стиле и художественном проведении, что объясняет общей неблагоприятной обстановкой эмигрантской литературы. Вся

²³⁰ Putna, M. S., Zdražilová, M.: U řek babylonských. Antologie ruské emigrační poezie, s. 32

²³¹ ВР 1925/11

²³² Белошевская, Л. Молодая эмигрантская литература Праги, In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1919-1939

²³³ Зноско-Боровский, Е.: Парижские поэты, ВР 1926/1

²³⁴ ВР 1926/3,6

²³⁵ ВР 1928/1

политика журнала встала на сторону молодой и подающей надежде смене, не находящей поддержки в других литературных кругах. Помимо конкурсов, были известны и литературные вторники ВР, где непосредственно обсуждалось творчество молодёжи, читались и выбирались к печати произведения, и собиралось много подающих надежд пражских литераторов.²³⁶ Кроме этого, именно молодым литераторам предлагались к рецензированию книги, так, например, с журналом сотрудничал Н. Андреев, который позже в своих воспоминаниях с уважением отзывался о М. Слониме, принявшим его как рецензента в журнал.²³⁷

К 1929 году, читатель уже познакомился со многими представителями пражской и парижской молодёжи. Настало время и их оценки, стремясь увидеть из всего многоголосия молодых, неуверенно стоящих на ногах литераторов, тех, кто будет продолжать линию русской литературы. То общее, что связывало все молодых литераторов, была беспросветная грусть над происходящим, основными темами были смерть, вечность, бесполезность. Самого творчески созревшего считали А. Ладинского, со своей легкой и блестящей поэзией. Б. Поплавский, обязанный журналу публикацией своих самых первых произведений также высоко ценился критиком со своими мистическими мотивами и трагического восприятия мира. Из пражских скитовцев, самыми талантливыми представляются Вяч. Лебедев и А. Эйснер со своей богатой художественной выразительностью. Из пражских прозаиков отмечался В. Федоров, начавший своё творчество комического бытописания в жизни эмиграции.²³⁸

Таким образом, молодёжь, с трудом находящая свой собственный путь в эмигрантском обществе, получила возможность в полный голос заявить о себе, внести свою лепту в литературную жизнь и получить единственный опыт для дальнейшего творчества. Не нужно быть историком, чтобы понять, что публикации среди уже состоявшихся и признанных имён не могли не придать новых сил молодым писателям. Однако находилась и критика, например Г. Адамович,

²³⁶ Постников, С. П.: Русские в Праге 1918-1928, 1928, с.140

²³⁷ Андреев, Н.: Пражские годы, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/11/andreev.html

²³⁸ Слоним, М.: Молодые писатели за рубежом, 1929/10-11

рассуждая о молодых писателях, скорее всего, намекает именно на ВР, говоря о том, что их произведения терялись среди никчёмных политических текстов.²³⁹

История журнала закончилась в 1932 году совершенно неожиданно, несмотря на продолжающуюся подписку на 1932 год. И лишь сопроводительная записка сообщала, что больше выпусков не будет. Так закончилась целая двенадцатилетняя эра одного эмигрантского журнала. Журнала, который стал для своих потомков, пожалуй, одним из последних источников, воссоздающих времена русского зарубежья.

В чем же было главное послание ВР, чем же примечательна его история? А тем, что его предназначением было стать последним оплотом для непонятых и непринятых в эмиграции, вести свою линию, запечатлев на своих страницах и передав потомкам то лучшее М. Цветаевой, А. Ремизова, Г. Газданова и др., поддержать молодое поколение и показать, что когда речь идёт о настоящем искусстве никакие политические распри не могут на него повлиять.

²³⁹ Адамович, Г.: *Одиночество и свобода*, 2002, с. 31

Заключение

Целью нашей работы было осмыслить журнал "Воля России" на всех этапах его издания и попытаться определить его значение в эмигрантском обществе. Нашей задачей было выделить в каждой тематической части те статьи, которые были более выражены среди остальных текстов, чтобы понять цели редакторов, а вместе с этим и заинтересованность целевой аудитории.

В первой части, при описании возникновения издания, из уже существующих исследований об эмиграции тех времён, нами была собрана цельная информация о среде и обстоятельствах основания издания, также мы попытались предположить круг читательской аудитории и их предпочтения, хотя с прошествием времени это было достаточно сложно. Некоторое внимание мы уделили также личностям первых редакторов, для того, чтобы подчеркнуть их политические пристрастия, которые в дальнейшем повлияли и на саму программу газеты. Отдельное внимание всё же было направлено на главенствующие темы газеты: политические и достаточно ценные обзоры советской действительности, а также на только зарождающуюся литературно-критическую рубрику.

Вторая часть была полностью посвящена новому этапу издания – его журнальному облику. Нами было проанализирована основная тематика журнала, его рубрики и их характеристика. Из доступных материалов нами были кратко упомянуты биографии редакторов и основной упор сделан на те политические тексты, которые представляли редакторов в журнале. Помимо этого, мы рассмотрели как была представлена советская и эмигрантская общественная жизнь также на основе статей журнала.

В третьей части работы мы обратились к литературно-критическому отделу журнала, который возглавлял М. Л. Слоним. Так как за всю свою десятилетнюю деятельность в журнале им было написано очень большое количество разнонаправленных текстов, мы обратились именно к тем, которые отражали более выразительно его позицию к той или иной проблеме, а в особенности его интерес к советской и эмигрантской литературе тех лет.

Четвертая же часть посвящена литературно-художественному отделу "Воли России". В ней мы стремились в первую очередь упомянуть тех писателей, чьему творчеству журнал предоставлял свои страницы охотнее всего. По нашему мнению, настоящей музой этой части была М. Цветаева, поэтому её жизнеописанию мы посвятили отдельное место, используя наиболее обширный труд М. Разумовской "Марина Цветаева. Миф и действительность". Далее нами были рассмотрены произведения, издававшиеся в ВР, а именно не только поэзия, но и проза. Помимо этого, мы обратили внимание и на молодых поэтов, которым уделялось особое место и поддержка на страницах журнала.

Таким образом, проанализировав целую историю журнала, проследив его изменения, нами был отмечен его несомненный вклад в эмигрантскую среду. Об этом свидетельствуют не только частые упоминания о нём в различных источниках, его тираж и прочее моменты. Главной заслугой журнала была его очевидная особенность, и она не заключалась в его эсерской политической окрашенности, а, наоборот в его литературной части. Это было издание, которое благодаря своему литературному редактору М. Слониму, было открыто другим мнениям, тщательно следило за всеми процессами, происходящими в советской литературе, поддерживало таланты эмигрантской литературы – одним словом, занималось тем, чего скорее сторонились остальные литературные издания.

Resumé

Cílem této diplomové práce bylo popsat základní proměny časopisu Volja Rossii (dále VR) a vymezit jeho význam pro ruskou emigraci. Veškerá dosavadní literatura se zmiňovala o tomto periodiku jen okrajově v souvislosti s pražským literárním životem. Nevznikla tedy dosud souvislá práce, která by analyzovala proměny časopisu v průběhu dlouhých dvanácti let jeho existence. Jediná práce, pojednávající o VR, která se věnuje její literárně kritické rubrice. Také v textech, zvláště elektronických, se mnohdy vyskytují stručné informace o časopise, avšak jsou plné nepřesností. Dále jsme se také setkali se zmínkami o VR v nejrůznějších memoárech osobností, které v rámci první vlny emigrace působily v Praze.

Naším úkolem bylo na základě jednotlivých článků určit, jakým tématům redaktoři věnovali největší pozornost, a tudíž co nejvíce zajímalo jejich čtenáře. Základním zdrojem pro naši práci byl samotný časopis a jeho výtisky z let 1920-1932, které jsou k dispozici ve Slovanské knihovně v Praze. Práce je rozdělena do čtyř tematických částí. V první části, která se zabývá okolnostmi vzniku VR a její podoby v době, kdy vycházela jako noviny, je popsána jak formální, tak i obsahová stránka novin. Druhá část je věnována období fungování časopisu, osobnostem jeho redaktorů a hlavním politickým tématům. Třetí část zkoumá jeho literárně kritickou část a věnuje se hlavním textům jeho redaktora M. Slonima. Závěr práce je věnován umělcům, jejichž díla byla otištěna v časopise přednostně, avšak největší pozornost se věnuje pražskému působení M. Cvetajevové a její spolupráci s časopisem. Popisuje také práci redakce časopisu ve vztahu k mladým literátům.

Nejprve je nutno říci, že podoba periodika prošla několika změnami. Časopis vznikl v roce 1920 jako ryze politický orgán eserů, kteří byli nuceni emigrovat během občanské války v Rusku. Vycházel nejdříve jako deník, který sledoval dění probíhající v sovětském Rusku a také pozoroval nejdůležitější stranické události. Právě z důvodu svého úzkého politického zaměření a finanční tísně se po roce vydávání nejprve změnil na týdeník a poté zanikl. Následovalo nové období – ze stranického deníku vznikl kulturně-politický časopis, který již měl širší tematický záběr a zahrnoval jak politické, tak literárněkritické texty. Kromě toho uváděl díla ruských literátů a spisovatelů v emigraci.

První část naší práce je plně věnována prvnímu období VR, kdy vycházela v podobě deníku. Nejprve jsme se však zabývali prostředím a dobou, ve které VR vycházela. Samotným předpokladem pro vznik periodika byla především politická situace v Rusku, která způsobila masový odjezd eserů. K tomu přispěla příznivá politika tehdejší české vlády v čele s T. G. Masarykem. Vláda vycházela vstříc nejen ruským uprchlíkům v rámci tzv. Ruské akce, ale výrazně podporovala právě esery. Jedním z prostředků jejich podpory byl finanční příspěvek pro vznik a vývoj eserského tiskového orgánu, kterým VR na začátku své existence byla.

Avšak nebyli zde pouze eseři. V emigraci se také ocitlo velké množství nerůznějších uprchlíků: od Wrangelovy armády, antibolševických skupin, až po zajatce z první světové války a obyčejné lidi, prchající před hrůzami občanské války. Právě odtud pramení zvláštnost první vlny emigrace, která byla zastoupena představiteli všech antibolševických stran. Každá z nich se v emigraci snažila prosadit, a proto vydávala velké množství nerůznějších politických periodik. Proto stranická různorodost je jedním z rysů pražské emigrace. Svědčí o tom monarchisticky zaměřené „Vozrožděnije“, eserské „Dni“, kadetské noviny „Rul“. K tomuto prudkému rozvoji emigrantského periodického tisku došlo zejména proto, že ruští uprchlíci první vlny emigrace nebyli lhostejní k tomu, co se dělo v jejich vlasti. Navíc byli zpočátku pevně přesvědčeni, že bolševismus nebude mít dlouhého trvání, a proto se většina emigrantů příliš nesnažila v zahraničí asimilovat.

První vydání deníku vyšlo 12. září roku 1920 pod vedením prvního redaktorského týmu, který byl zastoupen Zenzinovem, Lebeděvým a Minorem. Celé zaměření deníku samozřejmě ovlivnilo dřívější působení redaktorů v narodnickém hnutí, jejich následné angažování ve straně eserů a neúspěšná účast v Ústavodárném shromáždění. Již první vydání naznačilo hlavní program deníku, tedy ostrý antimonarchistický a antibolševický postoj a spolu s tím sledování nejdůležitějších procesů v Rusku. Deník se vyznačoval nejen svým osobitým politickým zaměřením, ale byl výjimečný i svou formální stránkou. Periodikum se vyznačovalo velkým formátem a také předrevolučním pravopisem, jimž dávalo najevo svůj odmítavý postoj k dění v sovětském Rusku.

Na základě jednotlivých článků bylo možné zjistit nejčastější témata, která doprovázela deník po celou dobu jeho vydávání. V první řadě je to velké množství textů, zaměřených proti monarchistům a bolševikům – hlavním nepřátelům eserů. Dále jsou to texty, věnované probíhající polsko-sovětské válce, ve kterých sice autoři vystupovali proti

Polsku, avšak obviňovali sovětskou vládu za špatné velení. Autoři také sledovali dění občanské války, tentokrát vystupovali proti bělogvardějcům. Zvláštní místo je věnováno článkům popisujícím obyčejný život sovětské společnosti v období občanské války. Jsou to zprávy přibližující podrobnosti života ruské společnosti: od prvního ohromujícího dojmu z moskevských ulic po stravování podle přidělu a absenci základních potřeb pro obyvatele. Později se začal objevovat také zájem i o kulturní tematiku, objevují se první literární články, které ožívují jinak suchou politickou podobu deníku.

Avšak tato témata neupoutala pozornost čtenářů nadlouho a spolu s finančními potížemi přivedla deník k zániku. Poté ještě krátce vycházel jako týdeník, ale záhy zanikl a tímto otevřel cestu nové etapě – vydávání kulturně politického měsíčníku. Časopis od dob deníku prošel mnoha změnami: vyměnil se redaktorský tým, změnil se formát a počet stránek, ale hlavně se změnil i jeho obsah. Jelikož již nebylo nutné předávat každodenní aktuální zprávy, zaměřili se přispěvatelé hlavně na analýzu politických problémů. Tímto se zabývali noví redaktoři Lebeděv, Suchomlin, Stalinskij a literární redaktor M. Slonim. Tematický záběr časopisu byl však mnohem širší, objevovala se tato témata:

- mezinárodní politika a rozvoj světového socialismu, zahraniční strany, mezinárodní hodnocení probíhajícího dění v Rusku,
- ruský porevoluční rozvoj: politická, společenská a kulturní témata,
- přehled událostí v Československu a emigrantské společnosti,
- literárně kritické statě, literární díla.

Časopis obsahoval více než 100 stránek textů. Každé vydání začínalo literárním dílem, dále následovaly publicistické články přispěvatelů na politická a společenská témata, mezinárodní otázky a zakončen byl recenzemi a bibliografickou částí.

Časopis také věnoval pozornost nejdůležitějším událostem v Československu, publikoval překlady textů politiků, sledoval rovněž vývoj česko-ruských vztahů. Avšak nejvýraznější byly články o emigrantském životě. Přispěvatelé zkoumali jejich postavení ve společnosti a nejostřejší problémy všedního života. Velká pozornost byla věnována celkovému porozumění života emigrantů, například stať Pešechonova, ve které seznamoval

čtenáře s děním v emigraci. Autor poukazoval na emigrantský tisk, který se snažil zkruslovat události v sovětské společnosti, čímž škodil nejen vládě, ale i prostým občanům.

Díky politické a společenské rubrice můžeme pozorovat, jak se změnil politický raz časopisu od doby jeho vzniku. Expresivní eserské výroky, jejich hlavní programové dokumenty a veřejná stranická prohlášení se už na stránkách tohoto periodika neobjevovaly. Každodenní zprávy z bojišť polsko-sovětské války a Kronštadtského povstání vystřídaly poznámky, které analyzovaly nejdůležitější politické události ve světě, sovětském Rusku a Československu. Kromě toho postupně mizely texty o sovětské realitě, které byly vytěšňovány články o nejpálčivějších problémech emigrantů, rivalitě v periodikách a mezistranických neshodách. Literárně zaměřené články, které se poprvé začaly objevovat v deníku po příchodu M. Slonima, rok od roku začínaly hrát větší úlohu, čímž přidávaly periodiku tvůrčí vzhled a širší přehled.

Literárněkritická rubrika VR se postupně stala klíčovou částí celého časopisu. K tomu bezpochyby přispěl její hlavní redaktor a přispěvatel Mark Lvovič Slonim. Již samotná osobnost literárního redaktora byla zajímavá. Během svého dlouhého života se nejen podílel na politických událostech v Rusku společně se stranou eserů, ale jeho největší přínos souvisel s obdobím emigrace. Byl to člověk, který hrál svou úlohu v literárním životě nejen v Praze, ale také v Paříži a později v Americe. Celý svůj život navíc věnoval ruské literatuře. Zabýval se nejen publicistikou a politikou, ale hlavně byl osobitým literárním kritikem a historikem ruské literatury v zahraničí. Také v Praze měl široké pole působnosti – spravoval nejen VR, jehož osobitý vzhled pomáhal dotvářet svými texty, ale byl také profesorem na Ruské lidové univerzitě, členem pražského Zemgoru a vydavatelství Plamja. Po příjezdu do Paříže založil literární skupinu Kočevje pro mladé autory, jejichž tvůrčí činnost opatroval i během svého působení v Praze. Díla, která Slonim po sobě zanechal, se zabývají širokým spektrem témat – od vlastních úvah o politických událostech, přes vzpomínkové dílo o Českoslovenku, až po historii sovětské literatury.

Příchod M. Slonima do časopisu byl velmi významným mezníkem pro VR. Jejich hlavní literární přispěvatel nejen obohatil obsah, ale přispěl také do polemiky o úloze emigrační a sovětské literatury v emigrantské tvůrčí společnosti, která předtím byla izolována před jakýmikoli jinými názory.

První příspěvky M. Slonima ve VR byly zcela věnovány politice. V nich se autor zabýval například analýzou hnutí eurasijství, kterému nepředpovídal dlouhou budoucnost. Mimo to poukazoval na situaci, ve které se ocitli ruští studenti v zahraničí. Hovořil nejen o špatných pracovních podmínkách studentů, ale také o tom, že z politického hlediska se studenti ocitli mezi stranami, které se je snažili ovlivnit. Kromě toho jsou pro dnešní dobu velice cenné texty o nastupujícím fašismu v Itálii. V nich se autor zabývá celou historií vzniku fašistické strany, jejím důrazem na mladou generaci, která již prošla válkou a byla snadně ovlivnitelná. Také v souvislosti s tím poukazoval na situaci v emigrantské společnosti, která byla rozdělena na příznivce a odpůrce fašismu.

Avšak největší polemiku rozpoutal M. Slonim svými vyhraněnými literárněkritickými postoji, které se výrazně lišily od většinového názoru ostatních kritiků. Hlavní spor se rozpoutal mezi kritiky jednotlivých literárních časopisů. Nejznámějším časopisem té doby byly pařížské *Sovremennyje zapiski* v čele s kritičkou Z. Gippiusovou. Byl to časopis podobný VR svým zaměřením, lišil se však politickou orientací. Prohlašoval totiž, že je odpoután od jakéhokoliv stanoviska, a také byl dosti uzavřený, jelikož publikoval díla pouze významných literátů většinou starší generace. Předmětem nekonečných sporů, které se objevovaly na stránkách obou časopisů, byla hlavně sovětská a emigrační literatura. Ve svých názorech ohledně emigrační literatury M. Slonim podotýkal, že emigrační literaturu doprovází:

- přetrvávající emigrační „konservatismus“ spisovatelů starší generace, kteří jenom pokračují ve své tvorbě bez snahy něco inovovat,
- nepřijetí jakýchkoliv procesů, které vznikají v Rusku, spojené s přesvědčením, že nejlepší umělci se ocitli právě v emigraci,
- nepřijetí literární mládeže starší generací,
- absence jakýchkoliv procesů v emigrační literatuře – nevytvořila se žádná nová škola, ani směr, ani seskupení – na rozdíl od zjevných procesů v literatuře sovětské.

Ostatní kritici té doby souhlasili s názorem o krizi emigrační literatury, avšak každý z nich viděl svoje příčiny a vlastní východisko. Svůj osobitý vztah měl M. Slonim

k sovětské literatuře, v níž viděl začínající procesy nové literatury a bezpodmínečně věřil, že jednou dojde ke splynutí obou dvou směrů – emigrační a sovětské literatury. V porevolučních dílech viděl právě tu svobodu od komunistického útlaku. Avšak tyto názory také prošly změnami. S přibývajícím roky již bylo jasné, že se bolševismus jen tak nezhroutí, a proto starší Slonimovy texty již nejsou tak optimistické ve vztahu k sovětské literatuře. Naopak v nich začíná mluvit o diktatuře i v literatuře a všudypřítomné proletářské kultuře.

Nehledě na to, že se velká část literárněkritických textů zabývala buď sovětskou, nebo emigrační literaturou, věnovala pozornost také jiným tématům, například literatuře české, většinou poezii, v překladu K. Balmonta anebo současné české literatuře.

Dá se říct, že tato rubrika byla ve své době nejvýznamnější součástí časopisu, protože představovala spoustu různorodých témat a názorů, čímž vytvářela polemiku v celé emigrační společnosti.

Poslední rubrikou, kterou jsme zkoumali a která měla mimořádný význam pro časopis, byla díla bezprostředně publikovaná v VR. Byla jedinečná samotným výběrem umělců, jejichž díla zahajovala každé vydání. Na rozdíl od časopisu *Sovremennyje zapiski*, který byl zaměřen na jména prověřená časem a známá, na stránkách VR se jména Bunina, Merežkovského, Gippiusové, Kuprina nikdy neobjevila, i když M. Slonim ve svých textech nesnižoval jejich hodnotu a nesporný talent a jejich význam hlavně v předrevoluční době. V novém emigračním prostředí se podle něho nedokázali sžít s novou dobou a s novými podněty, proto opakovali tvůrčí činnost, kterou začali ještě před emigrací a považovali se za to nejlepší, co jen v té době mohlo být. Slonim pouze šel za svým názorem s očekáváním nových podnětů a myšlenek od emigračních literátů. Právě proto své čtenáře na stránkách časopisu našli emigranti Remizov, Gazdanov, Cvetajeovová a celá skupina mladých pražských a pařížských básníků. Z těch, kteří působili v Sovětském svazu to byli především Zamjatin, Pilňak, Pasternak, Leonov, Bělogo. Nejčastěji se v časopise objevovala díla A. Remizova, a to především díky svému ornamentálnímu jazyku, osobité stylizaci a orientaci k národním pohádkám a legendám.

Pravděpodobněji nejznámějším dílem, které rozpoutalo světoznámou kampaň proti svému vlastnímu autorovi, byla Zamjatinova antiutopie *My*. Román byl napsán sedm let před tím, než byl poprvé otištěn v ruštině. Vyšel v únorovém vydání roku 1927

s poznámkou, že je přeložen z češtiny. Redaktoři samozřejmě nemohli tušit, jakou reakci to vyvolá na sovětské straně. V sovětském tisku bylo dílo označeno za pobuřující parodii na komunismus, a tak začalo velmi těžké období pro autora, který musel čelit útokům nejen ze strany sovětského tisku, ale také ze Svazu spisovatelů a tudíž od svých vlastních kolegů. Všechno toto přimělo Zamjatina vystoupit ze Svazu spisovatelů, pozastavit publikaci tohoto díla ve VR a následně emigrovat.

Další osobnost, jejíž díla doprovázela časopis po dobu celé své existence, byla M. Cvetajevová. Významným okamžikem pro časopis bylo setkání jejího redaktora M. Slonima s Cvetajevou. Již předtím byl M. Slonim seznámen s tvorbou básničky a hned po setkání jí nabídl spolupráci. Jelikož Cvetajevové nevadilo sociálně revoluční zaměření časopisu, přijala toto pozvání, což zahájilo velké přátelství mezi literáty, které trvalo až do návratu Cvetajevové do vlasti. Kvůli špatné finanční situaci básničky Slonim nejen publikoval skoro všechna její díla, ale zařídil jí také stipendium.

Básnička strávila tři roky svého života v Praze a později se ukázalo, že to byly ty nejkřivější roky, protože po příjezdu do Paříže začalo nepříznivé období jejího života, přestože zde přijela již jako známá básnička. Začala totiž najednou publikovat články s antikomunistickým podtextem, kritizovat monarchistický tisk, což špatně ovlivňovalo její pověst. Dále k negativnímu postoji proti ní přispělo také eurasijství a později i obvinění jejího manžela S. Efrona. Všechny tyto události, které proběhly ve stejném období, způsobily to, že emigrační tvůrčí společnost ztratila nejen důvěru k samotné básničce, ale také ztratila zájem o její díla, což samozřejmě bylo pro Cvetajevovou nejbolestivější. Bylo to období, ve kterém básnička pochopila pravý přínos VR pro ni. Bylo to jediné periodikum, které nepřestalo vydávat její díla, nehledě na pomluvy o její prosovětské činnosti. Vydávalo díla, která ne vždy byla v souladu s eserským programem časopisu a ani se nebálo obhajovat tvorbu, která nebyla pochopena pro svou výjimečnost.

Zcela výjimečné jsou prozaické texty Cvetajevové, které byly otištěny v časopise a které přibližují Cvetajevovou jako talentovanou spisovatelku. I kdyby časopis nepřispěl do emigrantského života ničím jiným, tato podpora výjimečné básničky by si zasloužila největší úctu.

Časopis se zasloužil nejen o publikaci děl málo uznávané M. Cvetajevové, ale i o podporu mladé generace literátů, stojících ve stínu generace starších. Redakce časopisu

sice nebyla jediná, která uznávala význam podpory emigrantské mládeže, avšak byla jednou z mála, která nabízela své stránky pro jejich tvůrčí vyjádření. Nezůstávala pouze u publikací, organizovala také úterky VR, na kterých se vybírala nová díla. Kromě toho pořádala literární soutěže pro mladé autory a dávala příležitost mladým přispěvatelům psát recenze. Utvářela tedy zcela nový svět, ve kterém se našlo místo pro mladé a nadějně literáty.

Tedy při celkovém pohledu na historii časopisu přicházíme k závěru, že politické názory, které byly značně zastoupené a ostře vyhrazené, jsou v kontextu dějin velmi proměnlivé a ovlivnitelné – dnešní čtenář nahlíží na tyto texty úplně jinak, než jejich soudobí čtenáři. Na druhou stranu při pohledu na literární část VR zjišťujeme, že literární díla jsou právě ty neměnné hodnoty, které zůstávají platné navždy a nepodléhají žádným vlivům. Nezanedbatelným přínosem VR je to, že nehledě na politickou příslušnost vytvořila jedinečný prostor pro ty, kteří nebyli přijímáni v emigrantské společnosti.

Список литературы

Основные источники:

1. "Воля России", вып. 1920/1 - 1932/4-6
2. Белошевская, Л.: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1919-1939. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999
3. Громова, Н. А.: Цветы и гончарня. Письма Марины Цветаевой к Наталье Гончаровой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7311.php>, [цит. 18. 03. 2010]
4. Жирков, Г.В.: Журналистика русского зарубежья 19-20 веков. [Электронный ресурс]: Санкт-Петербург, 2003. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/16.htm>, [цит. 13. 03. 2010]
5. Коростелев, О. А., Мельников, Н. Г.: Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 1. Москва: Олимп, 2002
6. Кудрова, И.: Путь комет. После России. В 3 т. Т.3. Санкт-Петербург: Крига, 2007
7. Постников, С. П.: Русские в Праге 1918-1928. Прага, 1928
8. Савицкий, И.: Специфика Праги как духовного центра эмиграции. In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999, с. 47-95
9. Сладек, З., Белошевская Л.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1918-1939. Прага: Еурославика, 1998
10. Сосинский, В.: Франко-Славянская типография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/6/sosin.html, [цит. 15. 03. 2010]
11. Gruntová, A.: Osobnost Marka Lvoviče Slonima. [Электронный ресурс]. In: Informační bulletin ČAR, 2003, č.17, s.25-31. Режим доступа: <http://web.quick.cz/rossica>, [цит. 18. 03. 2010]
12. Putna, M. C.: Rusko mimo Rusko, Dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, Díl 1. Brno: Petrov, 1993
13. Putna, M. C., Zdražilová, M.: U řek babylonských. Antologie ruské emigrační poezie. Praha: Torst, 1996
14. Razumovsky, M.: Marina Cvetajevová. Mýtus a skutečnost. Praha: Garamond, 2009
15. Sládek Z.: České prostředí a ruská emigrace. In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике, 1999, s. 7-46

16. Vacek, J., Babka, L.: Hlasy vyhnaných. Periodický tisk emigrace ze sovětského Ruska 1918-1945. Praha: Národní knihovna ČR, 2009
17. Zdražilová, M.: Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací. In: Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919-1939), s. 138-163

Вторичные источники:

18. Абросимов, И.: Свод персоналий. [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/03/27/637>, [цит. 18. 04. 2010]
19. Адамович, Г.: Одиночество и свобода. Санкт-Петербург: Алетея, 2002
20. Андреев, Н.: Пражские годы. [Электронный ресурс], Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/11/andreev.html, [цит. 18. 03. 2010]
21. Белошевская, Л. Молодая эмигрантская литература Праги. In: Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1919-1939, с.164-203
22. Браткова, Т.: Русское устье. [Электронный ресурс], Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/4/brat.html, [цит. 20.03. 2010]
23. Виницкий, С.: Введение в дореформную орфографию. [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://slovník.narod.ru/old/pravila/01.html>, [цит.22.03.2010]
24. Голостенев, М. Е.: Политические деятели России 1917. [Электронный ресурс]: Биографический словарь. Москва, 1993. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/peshehonov_av.php, [цит. 2.04.2010]
25. Гуль, Р. Б.: Я унес Россию. Апология русской эмиграции. [Электронный ресурс]: Т. 2.Режим доступа: http://www.pseudology.org/Gul/Part_02_07.htm, [цит. 12.04.2010]
26. Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918-1945. Под ред. М. Добушева, В. Крымова. Прага: RT-RS servis, 2008
27. Журнальный зал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/>
28. Золото революции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gold-in.ru/2009/03/21/zoloto-revoljucii.html>, [1.04. 2010]
29. Марина Цветаева. [Электронный ресурс]: Труды 1-го международного симпозиума. Под ред. Р. Кембалла, 1991. Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Slonim/SlonimMark2.htm>, [1.05. 2010]
30. Мельтюхов, М. И.: Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/02.html>, [цит. 16.03. 2010]
31. Новиков, А., Хузер К.: Виктор Михайлович Чернов и его мемуары. In: В партии социалист-революционеров: воспоминания о восьми лидерах, 2007
32. Ожегов, С.Н.: Толковый словарь русского языка, Москва: ИТИ Технологии, 2003

33. Пастернак, Е. Б.: Борис Пастернак. Биография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/pasternak-e-b/biografiya-1-1.htm>, [цит. 10. 05. 2010]
34. Попов, И.: Ремизов и Газданов: мифологическое сознание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/text/ru/popov0904.html>, [цит. 11. 05. 2010]
35. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. [Электронный ресурс]: Москва: Книга, 1990. Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/Rilke/Rilke_Pisma.htm, [цит. 6.05. 2010]
36. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. [Электронный ресурс]: Энциклопедический биографический словарь. Москва: РОССПЭН, 1997. Режим доступа: <http://aleho.narod.ru/book/slonim.htm>, [цит. 6.05. 2010]
37. Современные записки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minuvshee.ru/zhurnal.php?id=3>
38. Фролова, Е.: Непопулярная эмиграция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/10/fr12.html>, [цит. 6.05. 2010]
39. Ходасевич, В.: Литература в изгнании. In: Критика русского зарубежья, 2002, с. 339-352
40. Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь вторая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_2tet_18.php, [цит. 9.05.2010]
41. Чернов, В.: В партии социалист-революционеров: воспоминания о восьми лидерах. Санкт-Петербург: Искусство России, 2007

Приложения

1. Здание издательства "Воли России" в Праге, ul. Uhelný trh 1
<http://foto.mapy.cz/103285-Wolfgang-Amadeus-Mozart>

2. Первый выпуск газеты от 12 сентября 1920 года

ВОЛЯ РОССИИ

Продолжается подписка на 1921 годъ на большую ежедневную общественно-политическую и литературную газету

ВОЛЯ РОССИИ

издающуюся въ Прагѣ при ближайшемъ участіи
В. М. Зензинова, В. И. Лебедева и О. С. Минора.

Программа газеты:

**Защита, развитіе и укрѣпленіе принциповъ
мартовской революціи.
Свобода и право.
Демократическая федеративная республика.
Земля трудящимся.
Вся власть Учредительному Собранію.**

ТЕЛЕГРАММЫ ОТЪ СОБСТВЕННЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
ОБЩІЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАТЕРІАЛЪ О СОВѢТСКОЙ РОССІИ.
СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ въ Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Нью-Йоркѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Мадридѣ,
Софій, Българѣ, Ригѣ, Гельсингфорсѣ, Ревелѣ, Константинополѣ и другихъ городахъ.
ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: Совѣтская Россія, Жизнь окраинныхъ государствъ, Сибирь, Польша, Иностранная Жизнь,
Европа и Россія, Вокругъ Интернационала, Рабочее движеніе, Печать и Жизнь, Фельетонъ, Библиографія, Россія за-
границей, Жизнь военнопленныхъ и интернированныхъ.
ВЪ 1920 Г. ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИНИМАЛИ УЧАСТІЕ:
Байкаловъ А., Бальмонтъ К. Д., Берте М., Брешко-Брешковская Е. К., Брушвицъ И. М., Высоцкая Н. П.,
Владиміровъ С., Даванская А. Р., Зензиновъ В. М., Качаровскій К., Керенскій А. Ф., Климущинъ П. Д., Ла-
заревъ Е. Е., Лебедевъ В. И., Махнѣвъ Ф. Е., Миноръ О. С., Rensselaer Pierre, Рахмановъ Н. Н., Рубановичъ И. А.,
Слонимъ М. Л., Соколовъ Б. Ф., Snowden Ph., Сталинскій Е. А., Сухолинъ В. В., Шрейдеръ Г. И., Черновъ В. М., и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Прагѣ и Чехо-Словакии	1 кв.	20 ч. кр.	6 кв.	110 ч. кр.
Въ Франціи и Бельгій	3 фр.	60 ч. кр.	6 кв.	110 ч. кр.
Въ Итали	9 фр.	27 фр.	50 фр.	50 фр.
Въ Швейцаріи	12 шв.	30 шв.	50 шв.	50 шв.
Въ Германи	3 фр.	15 фр.	28 фр.	28 фр.
Въ Австріи	20 мар.	60 мар.	110 мар.	110 мар.
Въ Болгаріи	125 ав. кр.	305 ав. кр.	725 ав. кр.	725 ав. кр.
Въ Юго-Славіи	80 леа	120 леа	220 леа	220 леа
Въ другихъ странахъ	15 дин.	45 дин.	80 дин.	80 дин.
Въ Японіи	40 ч. кр.	120 ч. кр.	220 ч. кр.	220 ч. кр.

Подписка принимается (только по 1-е и 15-ое каждого мѣсяца) въ отдѣльныхъ конторахъ во всѣхъ странахъ Зап. Европы, а также въ Сѣв. Америкѣ и на Дальн. Востокѣ. Во избѣжаніе задержки газеты, впредь до получения ея подписчикомъ изъ Главной Конторы въ Прагѣ, ежедневно доставляется подписавшемуся тѣмъ отдѣленіемъ Конторы, которое приняло отъ него подписку.

Военнопленнымъ, legionарамъ и общ. организац. 50% скидки. Для Польши, Латвіи, Литвы и Эстоніи особо-льготныя условія.

ОТДѢЛЕНІЯ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Въ ФРАНЦІИ: "Jeune France" 42, rue de Valenciennes, Paris.	Въ АВСТРИИ: В. Нейротъ, Munksgartenstrasse 10, Wien IX.	Въ БОЛГАРИИ: София: Контора "Курьеръ" и "Българска Поща" № 2.	Въ ПОЛЬШѢ: В. Телесвайтъ, Nowolipie 4, Warszawa.
Въ ПАРИЖѢ: Мелетъ-агалая, Place de Valenciennes 14, rue Beaumartin.	Въ ШВЕЙЦАРІИ: Женевѣ: Книжный магазинъ М. Гюм, Rue de Savoie — Шюппен.	Въ ЮГО-СЛАВІИ: Българскіе: Книжный магазинъ М. Гюм, Ruzickova ulica 23, София.	Въ ФИНЛЯНДИИ: Гельсингфорсъ: Pori, Skillerbacken 2.
Въ АНГЛІИ: N. Eganъ, 11, Little Norfolk Street, London W. C. 2.	Въ ИТАЛІИ: Римѣ: "La Voce del Lavoro" 41, via del Tritone (Colonna Ezzelinova).	Въ ДАНИИ: Копенгагенъ: "Danmarks Tidsskrift" Книжный магазинъ Корвалдсъ, — (Langelinie) 10, Kopenhagen.	Въ БЕЛГІИ: Л. Fischerъ, 30, rue de Valenciennes, Bruxelles.
Въ АМЕРИКѢ: Book Agency "Trade" P. O. Box 10, New York, N. Y.	Въ ШВЕЦИИ: Стогольмъ: Книжный магазинъ Bokhandelsg. Lagerstranden 1, — Almqvist-Bokhandelsbolaget, Gustaf Adolfska Gatan.	Въ ЭСТОНИИ: Ревель: Контора газеты "Pala" (Палла) (Old Post Office) № 21.	Въ ТУРЦІИ: С. Панагалтъ, "La Presse", Cite de Paris 27A, opp. 7, Constantinople.
Въ ГЕРМАНИИ: Dr. J. Lindnerъ, 64, Friedrichstrasse, Berlin W. E.		Въ ЛАТВІИ: Копенъ: Каганскій, Садовскій, С. Шляхтеръ, Kalate, Riga.	Въ ПАЛЕСТИНѢ: М. Gotschevsky, P.O. Box 100, Jaffa.

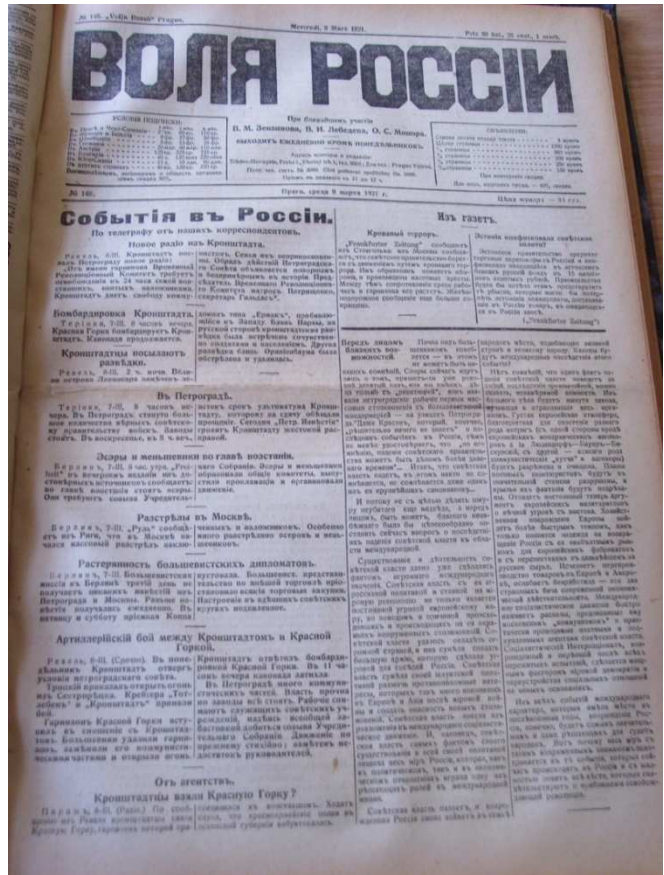
Отдѣльные номера газеты "ВОЛЯ РОССИИ" продаются въ киоскахъ всѣхъ крупныхъ городовъ Европы, Сѣв. и Южной Америки и Дальняго Востока.

Адресъ редакціи и конторы: **Tchéco-Slovaquie, Praha I, Uhelny trh 1, — для телеграммъ: Voilross Prague.**

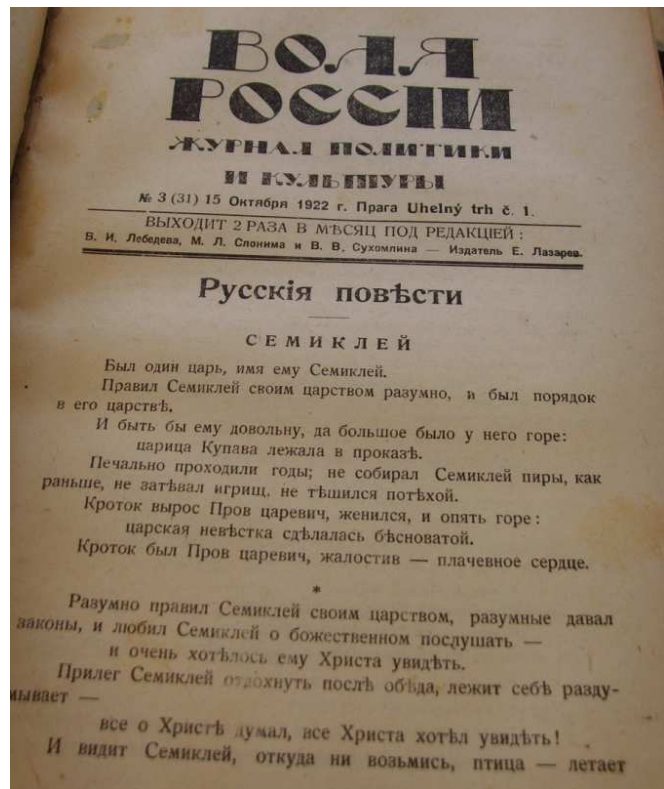
Типографія "Политика" въ Прагѣ, — Knihtiskárna "Politika" v Praze.

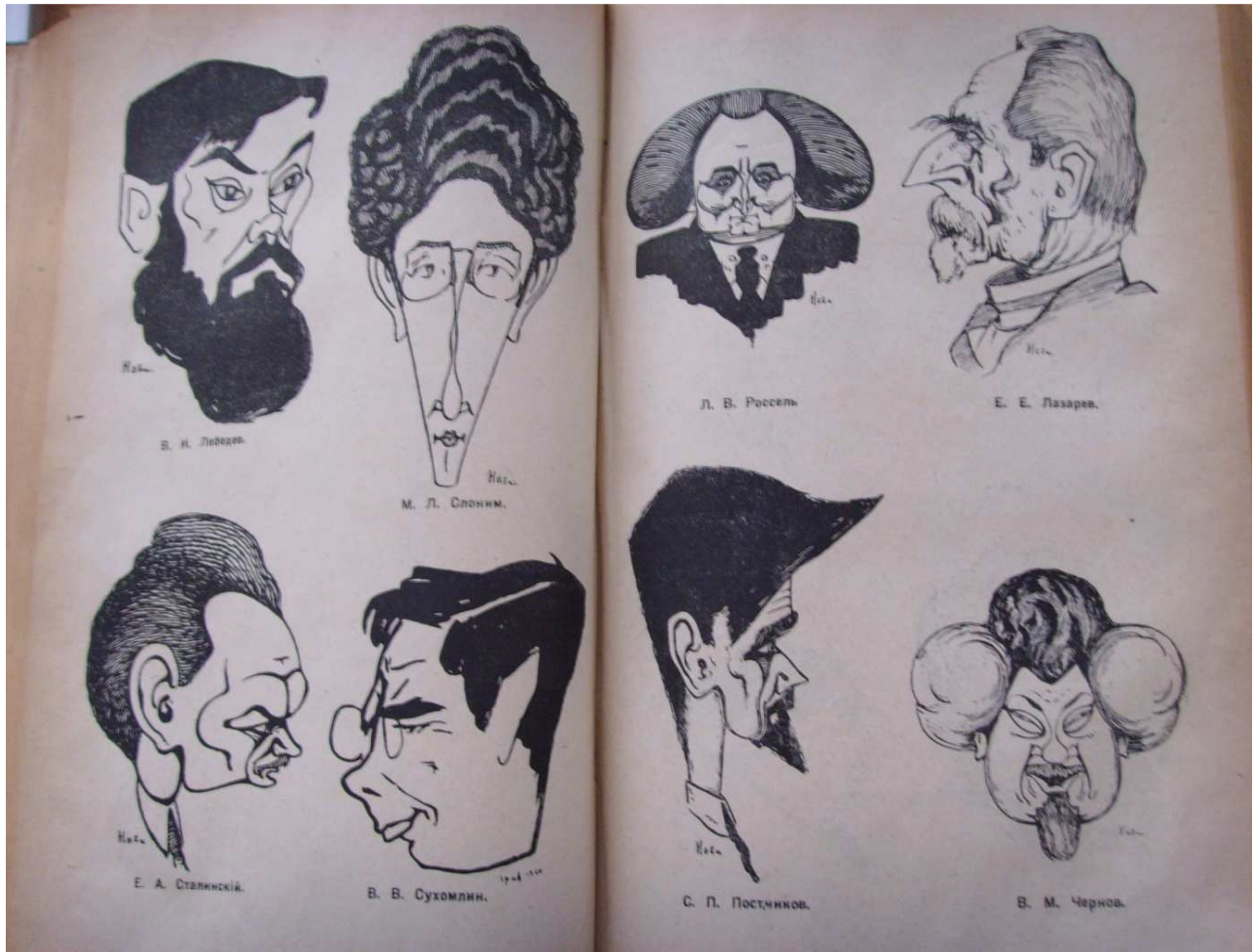
3. Объявление о подписке на газету 1921 года, где упоминается и программа эсеров: "Защита, развитие и укрепление принципов мартовской революции. Свобода и право. Демократическая федеративная республика. Земля трудящимся. Вся власть Учредительному собранию".

4. Газетный облик ВР, N148 1921

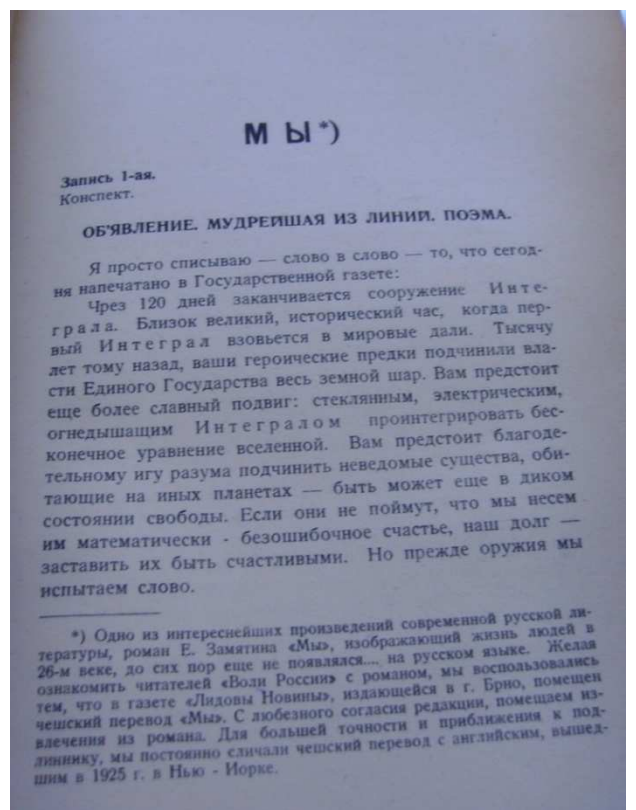
5. В виде журнала политики и культуры ВР N 3 1922 г.

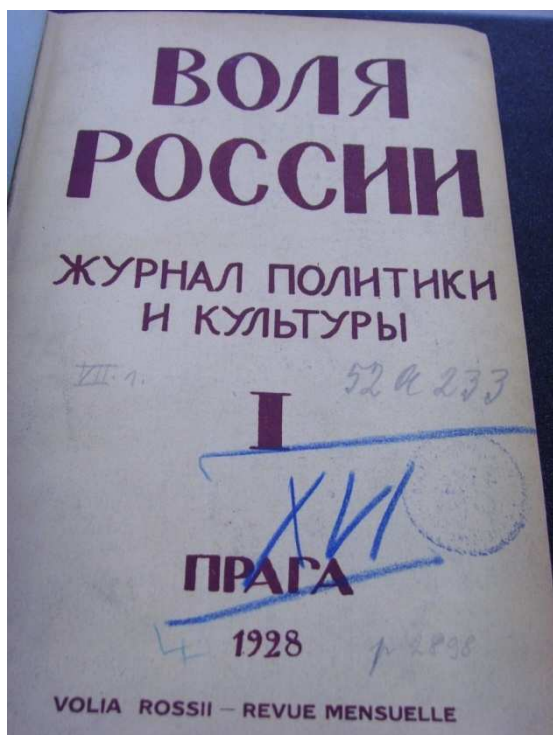

6. Карикатуры редакторов и сотрудников журнала,
ВР N 2 1924

7. Знаменитая публикация Е. Замятина
"Мы",
ВР N2 1927

8. Вид журнала 1928 года, ВР N1 1928

9. Реклама ВР, 1929 год.

8-ой год издания. *8-ой год издания.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1929-ЫЙ ГОД

на ежемесячный журнал политики и культуры

ВОЛЯ РОССИИ

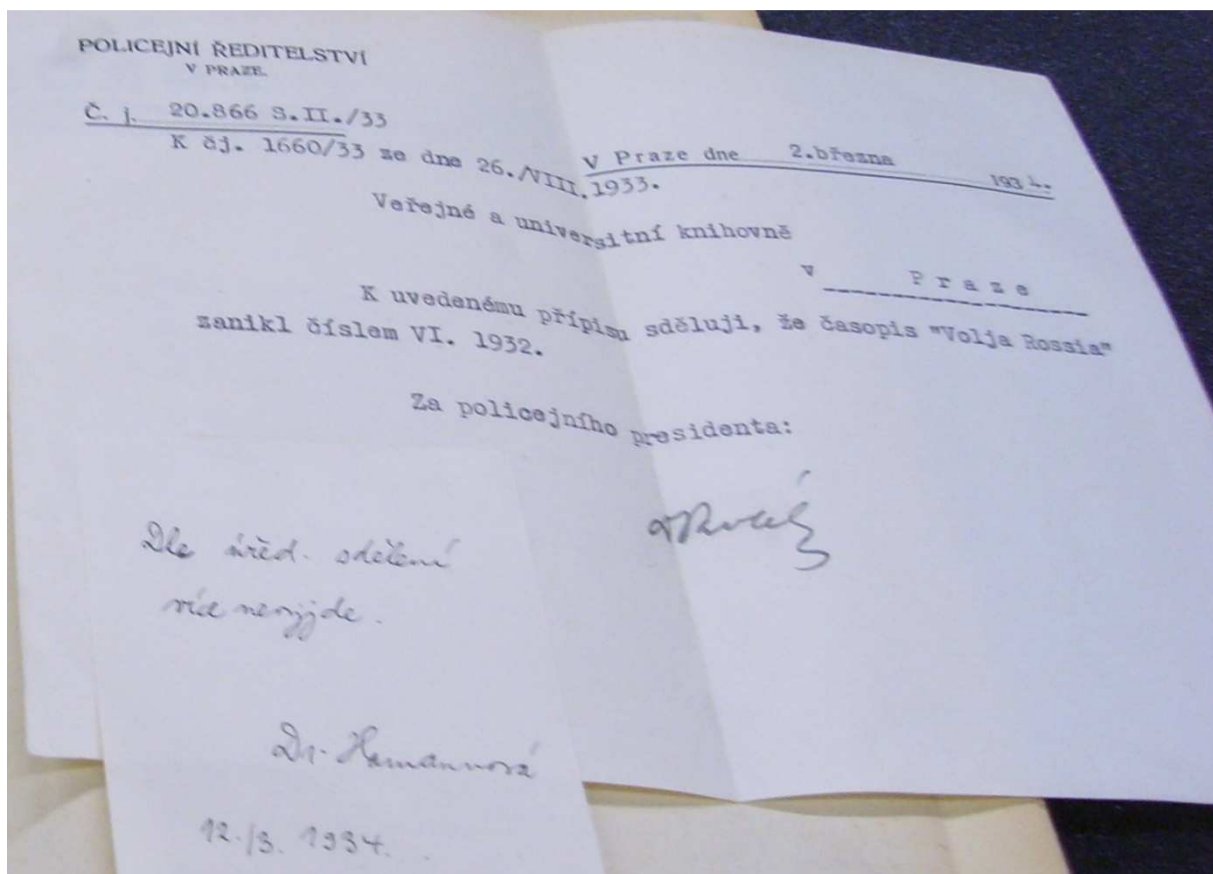
под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

В каждом номере «ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западноевропейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

Цена отдельного номера — 10 крон чешских
Подписная плата на год — 100 крон чешских.
Общественным организациям — скидка.

Адрес редакции и конторы: «Volja Rossii, Uhelný, trh č. 1, Prague, Tchécoslovaquie.

Отделение в Париже: 32, rue de Ménilmontant, 32 Paris (20)
Téléphone: Ménilmontant 67-41.

10. Сообщение о закрытии журнала в 1932 года, ВР N 4-6